

18+

Алексей Ракитин

ИСТОРИЯ БОСТОНСКОГО ДУШИТЕЛЯ

Хроника подлинного расследования.
Книга II

Алексей Ракитин

**История Бостонского
Душителя. Хроника подлинного
расследования. Книга II**

«Издательские решения»

Ракитин А.

История Бостонского Душителя. Хроника подлинного расследования. Книга II / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505484-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вторая книга дилогии. В начале 1960-х гг. американский город Бостон и его пригороды были потрясены серией жестоких убийств, жертвами которых становились женщины всех возрастов. Таинственный убийца вошёл в мировую историю сыска и криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель». В книге анализируются известные преступления, изложен ход расследования, рассмотрены персоналии подозреваемых. Автором привлечен большой объём малоизвестной информации, на основании которой сделаны неожиданные выводы.

ISBN 978-5-00-505484-5

© Ракитин А.

© Издательские решения

Содержание

Часть V. Складывая пазл	6
Признания ДеСальво	6
Персональная война Алберта ДеСальво	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

История Бостонского Душителя Хроника подлинного расследования. Книга II

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2019

ISBN 978-5-0050-5484-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-7560-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть V. Складывая пазл

Признания ДеСальво

Фрэнсис Ли Бэйли всю свою жизнь подавал большие надежды. В начале 1950-х гг он поступил в Гарвардский университет, но бросил его в 1952 г для того, чтобы отправиться служить в армию, точнее, в авиацию морской пехоты. И вроде бы очень преуспел на этом поприще, прошёл необходимую подготовку, стал летающим офицером. Однако через 5 лет посчитал отказ от учёбы ошибкой и, демобилизовавшись, вернулся в Гарвард. Оттуда перешёл в Бостонский университет, где блестяще обучался на юридическом факультете (точнее, в т.н. юридической школе). Ли Бэйли был круглым отличником, признанный лучшим учеником факультета за всё время его существования. В 1960 г он закончил университет со званием бакалавра права. От него ждали многого, но как это часто случается с талантливыми студентами, на практическом поприще он отнюдь не блистал.

В начале 1965 г Фрэнсису шёл уже 32-й год. Конечно, это не тот возраст, когда пора подводить итоги прожитых лет, но четыре с лишком года работы на адвокатском поприще не принесли Фрэнсису ни громких успехов, ни известности, ни богатства. Впоследствии Фрэнсис очень прославится и разбогатеет, станет сочинять книги, давать интервью, консультировать съёмки кино- и телефильмов, его образ сделается экранным и узнаваемым. Фильмы о нём станут снимать при жизни, часто ли так случается? Но всё это будет потом, а в начале 1965 г будущность Фрэнсиса выглядела довольно безрадостной. Впереди у него маячила обыденная и довольно напряжённая жизнь – многочасовые высиживания в судах на скучных процессах, бесконечные поездки в тюрьмы к подзащитным, унылые рожи уголовников... Тоска, суета и рутина!

Это очень интересный момент, о котором следует помнить. В начале 1965 г «Бостонский Душитель» был нужен всем! Речь даже не о горожанах – они-то как раз уже успокоились насчёт таинственного маньяка, поскольку тот перестал убивать... Злобного убийцу очень хотел разоблачить Генеральный прокурор Брук, поскольку годом ранее он помпезно открыл охоту на преступника, а охота эта никакого видимого результата не приносила! Провал грозил Бруку крахом блестящей карьеры... «Бостонский Душитель» был очень нужен Джону Боттомли по той же самой причине – его дальнейший успех в профессии напрямую зависел от успеха расследования... И наконец, в таинственном маньяке нуждался адвокат Ли Бэйли – его рывок на адвокатском поприще был возможен только в случае участия в сенсационном деле.

Френсис Ли Бэйли был тем человеком, кто явил миру «Бостонского Душителя». Адвокат прославился и выжал из своей славы всё, что только было возможно. И даже чуточку больше...

Хотя на первый взгляд может показаться, будто все трое – Брук, Боттомли и Ли Бэйли – преследовали далеко не совпадающие цели, на самом деле ими двигал одинаковый интерес: каждому из них нужна была слава. Славу гарантировало разоблачение таинственного «Фантома». Даже если этого преступника на самом деле не существовало, как уверяли почти все причастные к расследованию детективы, его следовало выдумать.

Как там написал поэт: меня обманывать легко, я сам обманываться рад... Так кажется? Это именно наш случай!

После того, как Ли Бэйли поговорил с ДиНатале о томящемся в Бриджуотере маньяке, Боттомли приказал установить кого именно этот адвокат посещает в лечебнице. Логично было предположить, что признания в убийствах Ли Бэйли услышал от подзащитного. Оказалось, что Фрэнсис приходит к некоему Джорджу Генри Нассару (George Henry Nassar). Эти имя

и фамилия членам Бюро «Душитель» ничего не говорили, поскольку ранее он в поле их зрения не попадал.

Поначалу это показалось обнадеживающим, поскольку прекрасно объясняло почему же «Бостонский Душитель» до сих пор не разоблачён, однако, надежды скоро сменились разочарованием. Полицейские документы довольно убедительно свидетельствовали против предположения, согласно которому маньяком мог быть Нассар.

Родившийся в июне 1932 г Джордж Нассар, сириец по национальности, как никто другой соответствовал типу тех людей, которых мы ныне называем социопатами. Он производил на окружающих прекрасное впечатление в тех случаях, когда считал это необходимым. И равно убедителен он бывал тех случаях, когда желал обратного. Сложно сказать, когда Джордж был самим собою.

В детские и юношеские годы за ним ничего особенно плохого не замечали: вплоть до 16 лет Джордж рос замкнутым, скрытым мальчиком, не попадавшим в скверные ситуации и много занимавшимся спортом. Так продолжалось до мая 1948 г, когда Нассар в компании с двумя друзьями в течение одного вечера совершил ограбление четырёх питейных заведений. В пятом по счёту хозяин схватил бутылку и двинулся на обнаглевшую молодёжь, но Нассар неожиданно для всех вытащил из кармана револьвер и 4 раза выстрелил в мужчину. Тот умер на операционном столе через 3 часа.

Использование оружия удивило даже друзей Джорджа, поскольку за четверть часа до убийства троица сдалась под натиском владелицы магазина, бросившейся защищать своё имущество с метлой в руках. Грабители убрались несолоно хлебавши и Нассар не пытался запугивать женщину пистолетом. Но по прошествии совсем небольшого интервала времени пустил его в ход без раздумий.

Опознать и арестовать его удалось очень скоро. Не прошло и недели, как Нассар угнал автомобиль и попал в ДТП. Хотя он успел выбросить пистолет до прибытия полицейского патруля, в его кармане остались два патрона, что насторожило полицейских. Они внимательнее осмотрели место аварии и отыскивали револьвер, который удалось связать с убийством владельца магазина. Нассар, опасаясь смертной казни, выдал дружков и сознался в убийстве, в результате чего всю троицу приговорили к пожизненному заключению в тюрьме.

Джордж тянул тюремную лямку до 1961 г. В том году его освободили. Впоследствии вопрос о том, как приговоренный к пожизненному сроку заключенный умудрился выйти на свободу, поднимался неоднократно. Внятного ответа так никто и не дал. Безусловно, помогло заступничество тюремного священника, очень довольного тем, как Джордж «несёт Слово Божие» в заблудшие души тюремных сидельцев. Надо сказать, что Нассар, несмотря на то, что являлся этническим сирийцем, происходил из католической семьи и с самого детства великолепно знал Библию, цитируя наизусть огромные фрагменты её текста.

Джордж Нассар в полицейском автомобиле между конвоирующими его полицейскими.

Выйдя на свободу, Джордж зажил жизнью доброго самаритянина – так в Америке принято обозначать смиренного, богобоязненного и милосердного члена общества. Его соседи не сомневались в том, что он очень хороший человек. Ещё бы, ведь в свободное время Джордж ходил в воскресную школу, где бесплатно занимался с детьми! Перед прихожанами своей церкви он произносил проповеди, известны по меньшей мере два таких случая! Одно время Джордж работал репортёром в газете. Вообще же, интерес к журналистской работе он почувствовал ещё во время пребывания за решёткой, когда участвовал в издании тюремного журнала. Также Нассар около двух лет достойно трудился санитаром в больнице. Впечатленный успехами советской космонавтики, Нассар в 1961 г. принялся изучать русский язык и даже в камере в Бриджуотере держал самоучитель.

Впрочем, после освобождения в 1961 г. в его жизни нашлось место и для других увлечений. Так, например, в вещах Джорджа при аресте в 1964 г., о котором в своём месте будет сказано подробнее, оказалась найдена переписка, из которой можно заключить, что Нассар интересовался возможностью заняться сексом с семейной парой. Для этого он покупал журналы знакомств и рассылал соответствующие предложения. Причём, он был готов заняться этим как в одиночку, так и в компании с бисексуальной подружкой переводя, так сказать, формат «шведской тройки» в «свинг-вечеринку». Помимо сексуальных развлечений Джордж ценил и менее греховные удовольствия – он отлично и с удовольствием танцевал. Женщины отмечали его обходительность и хорошее воспитание. А ещё Джордж ходил на собрания левацких организаций, в ходе которых обсуждались варианты того, как лучше провести социалистические преобразования в «обществе безудержного потребления». Там выступали разного рода поклонники идей анархизма и маоизма, публика, состоявшая преимущественно из студентов местных

ВУЗов, неистово аплодировала и требовала радикальных преобразований. Нассар не выступал, поскольку выглядел недостаточно образованным на фоне местных гиков, но слушал с интересом. Ещё бы, начнись тогда в США своя социалистическая революция, уголовники, вроде него, явились бы одной из её движущих сил!

В общем, окидывая его жизнь ретроперспективным взглядом, следует признать, что Джордж Нассар являлся человеком всесторонне одаренным. Разумеется, мы признаём таланты Нассара с сугубо негативным подтекстом, поскольку наряду с довольно безобидными оценками личности этого человека, существовали и совсем иные. Бостонские детективы считали, что вышедший в 1961 г на свободу Джордж Нассар пользовался большим авторитетом в местной уголовной «тусовке». Ведь он был осужден по серьёзной статье и вёл себя в заключении правильно, что обусловило его довольно высокий криминальный статус как в тюрьме, так и на воле. Джордж принял активное участие в бандитских войнах в Бостоне в период с 1961 г по 1964 г. За это время он по разным оценкам лично убил от 17 до 30 человек.

Сюзанн Келли (Susan Kelly), американская писательница, занявшаяся ещё в конце 1970-х гг изучением истории бостонских убийств, лично встречалась с детективами, работавшими с Нассаром. В своей книге «Бостонский Душитель» («The Boston Stranglers») она приводит их суждения – все полицейские сходились в том, что Нассар был скверным человеком и очень опасным преступником.

29 сентября 1964 г Джордж Нассар решился на преступление, которое вновь привело его за решётку. В тот день около 15:40 он совершил нападение на автозаправочную станцию на шоссе I-125 в городе Андовер, пригороде Бостона. Управляющего станцией 43-летнего Ирвина Хилтона (Irvin Hilton), пытавшегося бежать, преступник нагнал на улице и сначала ударил ножом в спину, а затем велел ему стать на колени и умолять сохранить жизнь. Когда тяжелораненый мужчина подчинился, Нассар выстрелил ему в грудь, а затем после некоторой паузы продолжил стрелять в лежавшее тело. Впоследствии судмедэксперт извлёк из тела убитого 6 пуль. Эту расправу увидели подъехавшие к автозаправочной станции Рита Буоте (Rita Buote) и её 14-летняя дочь Дайан (Diane). В момент убийства они находились на удалении 12—15 метров от места расстрела. Нассар, обнаружив присутствие свидетелей, направился к ним. Растерявшаяся Рита не догадалась включить двигатель своей автомашины и либо уехать на ней со стоянки, либо попытаться задавить преступника (последний вариант, кстати, представляется во всех отношениях предпочтительнее!). Мать успела лишь крикнуть дочери «пригнись!», а сама осталась за рулём, зачарованно наблюдая за тем, как преступник, поравнявшись с её автомашиной, постучал по обшивке и приказал открыть дверь. Поскольку Рита не подчинилась, мужчина поднял пистолет и нажал на спусковой крючок.

Курок сухо щёлкнул. Выстрела не последовало.

Преступник, не спуская глаз с Риты, взвёл курок и повторно нажал на спусковой крючок. Снова раздался щелчок и ничего более. Мужчина ещё дважды с тем же успехом повторил свои действия, после чего остановился. Он, по-видимому, сообразил, что в барабане нет патронов. Сложно сказать, что произошло бы далее, возможно, он перезарядил бы барабан и расстрелял свидетельниц преступления, но тут на автозаправку стала заезжать ещё одна автомашина – грузовик, в кабине которого находились двое мужчин. Число свидетелей явно умножалось!

Нассар понял, что ограбление пошло не по плану, подбежал к своей автомашине и покинул место совершения преступления. Номер седана, на котором он уехал, свидетели запомнили и сразу же сообщили полиции. Оказалось, что машина была угнана несколькими часами ранее, её быстро нашли неподалёку от места угона – это означало, что Нассар вернул её с таким расчётом, чтобы хозяин не заметил временного отсутствия машины. В салоне преступник оставил два пистолета: полуавтоматический 22-го калибра и револьвер 32-го.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств розыск преступника много времени не занял. Рита и Дайан Буоте отлично рассмотрели убийцу. Хотя они не опознали его на пред-

ставленных детективами photographиях известных преступников, им удалось не без пользы пообщаться с полицейским художником. В результате появился портрет, очень похожий на Нассара и неудивительно, что детектив Чарльз Кинэн (Charles Keenan), арестовывавший Джорджа в 1948 г, сразу же опознал старого знакомого. Photographия Нассара была показана матери и дочери, и свидетельницы без колебаний подтвердили, что именно этот человек убил управляющего автозаправкой.

Нассар (в наручниках) с сопровождающими полицейскими перед отъездом из окружного суда.

Дальнейшее явилось делом техники. 2 октября суд санкционировал арест Нассара. Последний вину свою не признал. Поскольку денег для выпуска под залог у Джорджа не имелось, ему пришлось в ожидании суда остаться за решёткой. Удивительное дело, но у Нассара отыскивались таинственные друзья и покровители! В ноябре был создан общественный комитет с тенденциозным названием «Комитет за здравое правосудие» («Committee for reasonable justice»), поставивший перед собой цель собрать 7 тыс.\$, необходимых для внесения залога. В число учредителей этой странной организации вошёл журналист, ведущий информационное шоу на одной из местных радиостанций.

Появление этого комитета косвенно подтверждает предположение о связи Нассара с местными преступными группировками. Бандиты не могли дать деньги адвокату напрямую, поскольку такое расточительство сразу вызвало бы вопросы об источнике щедрого финансирования, но создание якобы общественной организации и объяснение появления нужной суммы поступлением добровольных пожертвований, представлялось шагом вполне разумным. Пока нужная сумма собиралась (не забываем, что в нынешних ценах это более 250 тыс.\$!), суд постановил направить Нассара на психиатрическую экспертизу в Бриджуотер.

Джозеф появился там 18 января 1965 г. Экспертиза должна была продлиться месяц, однако 10 февраля её продлили ещё на 35 суток.

Дабы более не возвращаться к вопросу о здоровье этого человека, отметим, что в начале 1965 г специалисты Бриджуотера признали его «параноидальным шизофреником с исключительно тяжёлым социопатическим расстройством личности» («a paranoid schizophrenic with an extremely severe sociopathic personality disorder»).

Вот с таким человеком адвокат Фрэнсис Ли Бэйли работал в начале 1965 г. Никто не подозревал Нассара в том, что тот может быть загадочным «Фантомом» – полицейские на основании имевшихся в их распоряжении оперативных материалов считали его грабителем и убийцей. Но никак не сексуальным преступником! Поэтому предложение Ли Бэйли организовать контакт с «Бостонским Душителем» было воспринято членами Бюро с хорошо понятным скепсисом. Тем не менее, адвоката решили не игнорировать и представили ему 5 «контрольных» вопросов, на которые предстояло ответить «Фантому» или тому, кто себя за такового выдавал.

Как было отмечено выше, точного содержания этих вопросов мы не знаем. Один из них, вроде бы, был связан с маркой сигарет, которые курила Софи Кларк. Об этом в одном из своих многочисленных интервью много лет спустя вспоминал Ли Бэйли. По его словам, ответ, полученный им, оказался даже более точным, нежели рассчитывал Боттомли – предполагаемый убийца не только сообщил тип сигарет, но и добавил, что открывая тумбочку, уронил пачку на пол. На месте преступления действительно была найдена пачка, лежавшая у ножки кресла. Об этой детали не мог знать человек, не бывавший на месте совершения убийства, ни в одном газетном или ТВ-репортаже об этом не сообщалось.

Другой вопрос, вроде бы, касался способа проникновения в квартиру Эвелин Корбин. Напомним, что на подоконнике окна, выходившего на пожарную лестницу, оказался найден пончик, который местные детективы связали с действиями преступника. При ответе на этот вопрос никаких чудес не произошло, полученный Ли Бэйли ответ можно даже счесть тривиальным. Предполагаемый «Бостонский Душитель» заявил, что постучал в дверь жертвы и заявил, будто он сантехник и его прислал «супер» (т.е. «супервайзер», смотритель здания), после чего женщина якобы ему открыла. Ответ, кстати, выглядел совершенно недостоверным, поскольку в городе Салем, где проживала Корбин, администраторов зданий тогда не называли «суперами» – это было чисто бостонское словечко. Имела место и другая серьёзная нестыковка – Эвелин Корбин проживала в доме более 4 лет и хорошо знала сантехника, привлекавшегося для работы в здании. Она бы никогда не открыла дверь незнакомому мужчине, назвавшемуся «сантехником» и заявившему, что его «прислал супер». Но, говоря об этих деталях, мы забежали далеко вперёд, поскольку известны они стали много позже, уже в 1990-х гг.

Пока же просто остановимся на том, что некие 5 вопросов Ли Бэйли получил от ДиНа-тале, а спустя сутки передал детективу ответы, который в свою очередь сообщил об их получении начальнику. Ответы, по-видимому, впечатлили Боттомли, который посчитал необходимым поддержать инициативу Ли Бэйли. Начались переговоры об условиях, на которых «Бостонский Душитель» готов признать свою причастность к преступлениям. Сводились эти условия к следующему: а) он не будет обвинён в совершении тех убийств, причастность к которым признает; б) он может написать автобиографические книги и сценарий, в которых будут

описаны убийства, и за эту работу получит авторские права и гонорары; в) его не переведут из Бриджуотера и он останется в больнице вплоть до окончания срока лишения свободы, к которому будет приговорён за другие преступления. Помимо интересов таинственного преступника адвокат оговорил и гарантии собственного гешефта, а именно – деньги, которые он получит, представляя интересы «Бостонского Душителя», не подлежали аресту, блокировке, штрафам и каким-либо иным видам отчуждения.

На первый взгляд требования Ли Бэйли кажутся вполне обыденными и понятными, но как станет ясно из дальнейшего, обеспокоенность адвоката по поводу соблюдения собственного материального интереса оказалась отнюдь не беспочвенной. Запутанность денежных отношений между ним и «Бостонским душителем» создаст в конечном итоге серьёзный и затяжной конфликт, о котором ещё будет сказано в своём месте.

Впрочем, в начале марта 1965 г условия Ли Бэйли выглядели вполне разумными и адекватными, а потому особых вопросов со стороны Боттомли не вызвали.

После того, как соглашение было достигнуто, адвокат назвал фамилию того, кто являлся маньяком. Члены Бюро ожидали, что Ли Бэйли назовёт Нассара, но... адвокат заявил, что преступником являлся Алберт ДеСальво.

Здесь уместно задаться вопросом: а когда же сам Ли Бэйли узнал, что ДеСальво тот самый неуловимый «Фантом», которого безуспешно ловили полтора года по всему Бостону и пригородам? Адвокат утверждал, что впервые услышал об этом 10 февраля 1965 г от Нассара во время перерыва между судебными заседаниями, во время которых решался вопрос о продлении срока психолого-психиатрической экспертизы, назначенной Нассару ранее. Ли Бэйли вспоминал, что не выразил поначалу ни малейшего интереса к этой информации, но Нассар настаивал на том, что адвокату следует поговорить с предполагаемым «Бостонским Душителем», уж больно человек необычный! Ли Бэйли в конечном итоге согласился и не прогадал – его сенсационное восхождение к адвокатской славе началось именно с момента знакомства с ДеСальво.

Итак, последний сумел заинтересовать сначала Ли Бэйли, а потом и Боттомли.

Среди бостонских полицейских бытует предание, согласно которому лейтенант Донован, начальник Отдела расследования убийств городского департамента полиции, услышав от Боттомли заявление, будто ДеСальво может быть «Бостонским Душителем», издевательски расхохотался. «Вас провели!» – заявил он прокурору и рассказал о том, что в январе месяце адвокат Джон Эсгейрссон, представлявший интересы ДеСальво, уже связывался с подчиненными Донована и сделанное им сообщение о возможной причастности его клиента к убийствам «Фантома», подверглось надлежащей проверке. В ходе неё выяснилось, что ДеСальво не имел никакой информации об убийстве Мэри Салливан, хотя и утверждал обратное. В частности, он не знал как была одета убитая, как использовалась метла и в какой форме преступник осуществил с жертвой половой акт. Посрамление Боттомли, казалось, не имело границ, он так наивно «повёлся» на интригующую басню Ли Бэйли! Конечно, можно было обвинить в некорректном поведении самого лейтенанта Донована, не проинформировавшего Боттомли о проведенной проверке подозреваемого, но положила руку на сердце, сие обвинение вряд ли было справедливым. В конце концов, лейтенант не обязан сообщать начальнику Бюро «Душитель» обо всей текущей работе собственного отдела, тем более что проверка ДеСальво оказалась обычной рутинной, не имевшей никаких последствий. Боттомли сам виноват в том, что принял за чистую монету бредни шизофреника!

Казалось бы, после такой новости Джон Боттомли должен был потерять всякий интерес к ДеСальво, но случилось странное. Начальник Бюро «Душитель» не только не отказался от встречи с заключенным, но напротив, скорректировал программу встречи соответственно полученной от лейтенанта Донована информации.

Мы знаем, что первая встреча Боттомли с ДеСальво произошла в Бриджуотере 6 марта 1965 г. В тот день начальник Бюро «Душитель» расспрашивал готового сознаваться ДеСальво о 5 преступлениях, а именно – убийствах Анны Слесерс, Иды Ирги, Нины Николс, Хелен Блейк и Софи Кларк. О Мэри Салливан не было задано ни единого вопроса! Допрос этот известен в деталях, поскольку он не только записывался на магнитофон, но и стенографировался. Протокол был обнародован в 2001 г, но проделано это было очень интересно – была скрыта «шапка» документа, в которой назывались поименно присутствовавшие при допросе. И сейчас читатель поймёт, чем была обусловлена подобная забота о сохранении приватности участников этого мероприятия.

Боттомли расспрашивал ДеСальво о всевозможных деталях перечисленных выше пяти убийств: планировке помещений, обивке мебели, расположении окон, предметах, использованных для душения и т. д. и т. п. Если читать протокол, то может показаться, будто встреча носила ознакомительный характер и Боттомли присматривался к непонятному человеку, дабы понять, насколько тому можно доверять. Однако не всё так просто. Джон Боттомли не только пытался определить, насколько хорошо ДеСальво ориентируется в обстановке на местах совершенных убийств – он готовил заключенного к тому, чтобы тот давал правильные ответы в будущем.

Боттомли продемонстрировал ДеСальво фотографии тел убитых и обстановки в их квартирах. Причём – что особенно интересно! – он постарался сделать это так, чтобы факт демонстрации фотографий не нашёл отражения в протоколе и магнитофоновой записи. Боттомли ни разу не сказал «я предъявляю вам фотографии» или «посмотрите на предъявленные фотографии» и присутствовавший при допросе стенограф не оставил запись, вроде «заключенному демонстрируются фотоснимки, сделанные на месте преступления». Эта маленькая деталь свидетельствует о том, что Боттомли прекрасно понимал незаконность того, что он делает, ведь фактически он не проверял осведомленность преступника о деталях совершенных им убийств, а «натаскивал» ДеСальво на дачу ложных показаний.

Но фотографии в тот день ДеСальво предъявлялись – в этом можно не сомневаться!

Во-первых, во время допроса ДеСальво неоднократно допускал выражения вроде: «Да, я вижу, что...» или «посмотрев, я припоминаю...» По смыслу сказанного можно понять, что он рассматривал лежавшие перед ним фотографии. А во-вторых, известна собственноручная запись Джона Боттомли, оставленная им в рабочей тетради 24 августа 1965 г возле подзаголовка «Лента I». Текст гласит: «Альберт уже просмотрел полицейские фотографии места преступления» (дословно: «Albert has already viewed the police photographs of the crime scene»). «Лента I» – это та самая первая магнитофонная плёнка, что записывалась во время допроса 6 марта.

Демонстрацию фотографий в той обстановке следует признать равносильной преступлению. Дабы исключить самооговор допрашиваемому нельзя показывать фотографии и схемы с мест преступлений. По той же самой причине следовало исключить любые наводящие вопросы в ходе допроса! Допрашиваемый должен вспоминать все детали сам. Именно незнание деталей является вернейшим индикатором лживости показаний допрашиваемого. А Боттомли, получается, сам же снабдил ДеСальво информацией, способной заморочить следствие!

Что это: непрофессионализм? наивность? необдуманность поведения? Или мы имеем дело с осознанным решением, к которому Боттомли склонился, объективно оценив шансы собственной группы на успех?

Больше всего верится в последнее. На пятнадцатом месяце расследования вероятность разоблачения «Фантома» уже стремилась к нулю. Трудно поймать чёрную кошку в чёрной комнате, особенно когда её там нет и точно также сложно разоблачить серийного убийцу, если того не существует в природе! Эту истину к марту 1965 г стал понимать и сам Боттомли, а потому появление Ли Бэйли с рассказом о странном человеке, выдающим себя за несуществующего убийцу, оказалось как нельзя кстати. Если дурачок ДеСальво хочет стать «Бостонским Души-

телем», то почему бы ему в этом не помочь, ведь подобный выход устроит всех – и Генерального прокурора Брука, и членов Бюро «Душитель», и жителей Бостона, и самого ДеСальво! Боттомли мягко подтолкнул ДеСальво в нужном ему, Боттомли, направлении, как бы сказав: «хочешь сознаться и заработать денег – что ж! – давай попробуем, только сильно не лажай, начни с просмотра фотографий, попробуй запомнить больше деталей».

Любопытна следующая деталь: даже на том, самом первом допросе 6 марта ДеСальво наговорил довольно много несуразностей. Рассказывая об убийстве Хелен Блейк в конце июня 1962 г в Линне, ДеСальво заявил, что совершил с нею законченный половой акт, что не соответствовало результатам судебно-медицинской экспертизы, не обнаружившей спермы. Помимо этого ДеСальво допустил другую примечательную ошибку. Хелен оказалась задушена двумя чулками и бюстгалтером, причём чулки были затянуты узлом на затылке, а бюстгалтер – под подбородком жертвы. Альберт, рассказывая Боттомли об этом преступлении, перепутал расположение узлов, заявив, что узел чулков располагался под подбородком, а бюстгалтера на затылке. Трудно отделаться от ощущения, что посмотрев на фотографию и вернув её Боттомли, Альберт запомнил противоположное расположение узлов, но позабыл где какой был завязан.

Тем не менее, результаты общения с ДеСальво в целом Боттомли устроили.

После этой встречи руководитель Бюро «Душитель» отдал распоряжение не допускать к ДеСальво полицейских без его, Боттомли, разрешения. Очень примечательное распоряжение, учитывая, что Альберт являлся подследственным по весьма серьёзному многоэпизодному делу, в рамках которого к нему могли возникать самые разные вопросы.

Казалось бы, после того, как в распоряжении Бюро появился отличный кандидат в «Бостонские Душители» имело смысл бросить все силы на проверку обстоятельств его жизни, в частности, изучить прошлое Альберта, проверить существование alibi на дни совершения известных убийств. Но нет! Произошло нечто совсем иное – Боттомли на несколько месяцев позабыл о ДеСальво.

Пройдёт некоторое время и начальник Бюро станет ездить в Бриджуотер почти как на работу – два-три раза в неделю. Но это случится много позже – в июле и августе 1965 г. Но марте Боттомли почему-то потерял интерес к перспективному кандидату в «Фантомы». Действительно ли помощник Генпрокурора утратил интерес к ДеСальво и если да, то почему?

Думается, что пауза явилась вполне умышленной и Боттомли взял её не без далеко идущей цели. Во время первой встречи он сумел оценить актёрские способности ДеСальво, которые отмечали все, общавшиеся с ним лично. Альберт умел произвести нужное впечатление, всегда выглядел уверенным в себе, речь его звучала непринужденно и убедительно. Из него вышел бы отличный карточный шулер, он явно годился на ту роль, на которую претендовал. Но Боттомли, затевавшему серьёзную игру, было важно убедиться в том, что ДеСальво через месяц-другой не взбрыкнёт и не откажется играть по правилам. Ведь он шизофреник, находящийся в психлечебнице, он лишился в этой жизни всего и если Альберт откажется от своих слов, то его даже наказать за это будет невозможно – он и так уже наказан! А вот Боттомли предстояло рискнуть своей профессиональной репутацией и притом подставить непосредственного начальника! Если выяснится, что разоблачение «Бостонского Душителя» фикция, то Боттомли с большой вероятностью придётся уйти из профессии и возможно – уехать из Массачусетса. Разоблачение маньяка открывало перед Боттомли две дороги – одна вела к признанию, популярности и успеху, а вторая – к позору и катастрофе. Руководителю Бюро «Душитель» следовало очень крепко подумать перед тем, как публично объявить о разоблачении преступника.

Боттомли, будучи опытным юристом и знатоком преферанса, решил не показывать ДеСальво собственной заинтересованности. Он оставил Альберта, что называется, «вариться в собственном соку». Пусть ДеСальво хорошенько подумает насколько сильно он хочет сознаваться в убийствах? Альберту посулили деньги за книгу и сценарий и он заглотил эту наживку –

что ж, пусть как следует её переварит, пересчитает мысленно пачки долларов, свыкнется с мыслью, что они у него есть. Точнее, будут.

А через несколько месяцев к начатому разговору можно будет вернуться и поглядеть, не изменилось ли его настроение. Если изменилось, то признания надо будет отложить в долгий ящик. А если нет, то вот тогда и начнётся предметный разговор.

Взяв паузу, Боттомли ничем не рисковал. Новых убийств, связанных с удушениями женщин и девушек, в Бостоне не происходило. Убийца, если только тот вообще существовал, либо находился в тюрьме, либо умер, либо уехал из штата. В любом случае, никакой угрозы для горожан он сейчас не представлял. Так что тянуть время можно было без особого риска, никто не требовал от Бюро «Душитель» срочного рапорта о проделанной работе.

Фрэнсис Ли Бэйли, убедившись в том, что Джон Боттомли не спешит поведать миру о признаниях ДеСальво, решил зайти с другой стороны. Адвокат надумал подогреть интерес к Алберту и с этой целью решился на нетривиальный и довольно-таки рискованный шаг. Он подверг ДеСальво сеансу гипноза, во время которого была предпринята попытка получить от Алберта сведения о деталях убийств, в которых тот признавался. Строго говоря, этот сеанс оказался разбит на две части, проводившиеся с интервалом в сутки, хотя изначально такое разделение не планировалось и чуть ниже читателю станет ясно почему так получилось.

Первый раз Алберт был загипнотизирован 20 марта 1965 г. Несколькими днями ранее – 17 марта – ДеСальво позвонил домой и в телефонном разговоре с женой Ирмагд заявлял, что он – «Бостонский Душитель». Алберт предупредил жену, что сделал соответствующее признание представителю прокуратуры, а потому Ирмагд должна быть готова к тому, что газеты и телевидение объявят об этом. Разговор с женой получился крайне тяжёлый, Ирмагд утратила самоконтроль, стала кричать, с ней приключилась истерика и она бросила трубку. О содержании этого телефонного разговора правоохранительные органы, разумеется, узнали, поскольку все переговоры заключённых записывались, из чего, кстати, тайны не делалось. Поэтому Боттомли был проинформирован о признании ДеСальво в убийствах собственной жене.

Остаётся добавить, что после этого разговора Ирмагд прекратила всякое общение с мужем, подала на развод и в скором времени покинула Соединённые Штаты. Она выехала в Европу, там вторично вышла замуж и с мужем возвратилась в Бостон. В своём месте мы ещё скажем несколько слов об этой женщине, пока же вернёмся к событиям марта 1965 г.

Итак, за несколько дней до сеанса гипноза ДеСальво имел тяжёлый разговор с женой и об этом бэкграунде в контексте последовавших событий следует помнить. Сеанс гипноза проводил Уильям Брайан-младший (William J. Bryan), специально для этого приехавший в Масачусетс из Калифорнии, где он жил и работал. Это был очень опытный психиатр, специализировавшийся на гипно-психоанализе. Хорошо известно, что психоанализ очень популярен в США, но далеко не все знают, что в Штатах принимались попытки усовершенствовать концепции Фрейда, что выражалось, в частности, в попытках как можно шире применять во время сеансов психоанализа гипноз, поскольку последний снимал торможение коры головного мозга и делал пациента совершенно искренним. Уильям Брайан считался одним из самых опытных специалистов этого направления, он проводил сеанс психоанализа под гипнозом от начала до конца. Брайан имел большой опыт практической работы с правоохранительными органами, участвовал в раскрытии преступлений, допрашивал подозреваемых и преступников и даже написал книгу об использовании гипноза при расследовании преступной деятельности.

Уильям Брайан пользовался вполне заслуженной репутацией компетентного врача-гипнолога. Хотя своей основной специализацией он считал психоанализ, круг профессиональных интересов Брайана был много шире и включал в себя психологию свидетельских показаний, особенности работы памяти, правовые аспекты использования гипноза и т. п.

Фрэнсис Ли Бэйли слушал лекции Уильяма Брайана во время обучения в университете, остался весьма ими впечатлён и предложил доктору поработать с ДеСальво. За ходом сеанса следила группа врачей Центра содержания сексуально опасных преступников, в числе которых были Сэмюэл Аллен, Эймс Роби и некоторые другие. Сеанс записывался на магнитофон, его расшифровка сохранена, как впрочем, и оригинальная аудиозапись.

Для того, чтобы удостовериться в полном погружении ДеСальво в транс, доктор Брайан в самом начале сеанса прибег в довольно грубому, но эффективному приёму. Он медленно проколол насквозь левую ладонь Алберта толстой 5-сантиметровой швейной иглой. ДеСальво боли не почувствовал – это означало, что он впал в глубокий транс и полностью подчинён воле гипнотизёра. В таком состоянии он мог правдиво отвечать на вопросы, даже вопреки собственной воле¹. Уильям Брайан применил регрессивный гипноз, при котором пациент погружался во всё более отдаленное прошлое, рассказывая о событиях конкретного дня и даже часа. Гипнолог «вернул» ДеСальво в 8 сентября 1963 г, в тот день, когда была убита Эвелин Корбин, и стал расспрашивать о событиях того дня.

Однако ничего криминального Алберт не сказал. В его ответах фигурировала «Джуди», которой он массировал ноги, и по смыслу сказанного можно было понять, что речь идёт о дочери ДеСальво, родившейся с патологией тазовых суставов и неспособной ходить. Убедившись, что ДеСальво ничего об убийстве не рассказывает, доктор Брайан изменил тактику – он

¹ В истории криминалистики мы можем отыскать множество попыток преступников использовать сеансы гипноза для введения следствия в заблуждение. Некоторые из этих попыток были успешны, некоторые – нет. Известно, что серийный убийца Кеннет Бьянки согласился на допрос под гипнозом, рассчитывая ввести в заблуждение следствие, более 40 минут имитировал транс, однако врач, используя особую речевую стратегию, догадался, что преступник занимается симуляцией и тем сорвал его затею. В случае с ДеСальво врач-гипнолог добился глубокого погружения проверяемого в транс, что и подтвердил болевой тест.

дал поручение Алберту проснуться ночью и записать яркое сновидение, связанное с женщиной, которое тот увидит. После этого гипнолог прервал сеанс и разбудил Алберта. Проснувшись, тот ничего не знал о содержании закончившегося сеанса и установке, данной доктором.

В ночь на 21 марта ДеСальво действительно проснулся и на листе бумаги, имевшемся в его распоряжении, записал сновидение, которое видел той ночью. Сон имел эротическое содержание, ДеСальво снилось, будто некая женщина занималась с ним оральным сексом. Запись прерывалась на полуслове, никаких указаний на насилие и тем более убийства текст не содержал. По мнению доктора Брайана поведение ДеСальво под гипнозом и содержание его сновидения указывали на то, что дочь-инвалид мешала реализации его либидо и толкала на поиск сексуального удовлетворения вне семьи. ДеСальво насиловал потому что был не удовлетворён интимными отношениями с женой, а убивал жертвы потому, что видел в них символ дочери.

Это была довольно странная логическая конструкция, но доктор Брайан посчитал, что она хорошо объясняет результаты первого сеанса гипноза. 21 марта ДеСальво был загипнотизирован вторично, врач опять «вернул» его в 8 сентября 1963 г и попытался реконструировать события того дня. ДеСальво рассказал о том, как вошёл в квартиру, представившись водопроводчиком, затем сказал женщине, что у него есть нож и он хочет её изнасиловать. Нож, впрочем, он доставать не стал, поскольку женщина не сопротивлялась и не шумела. ДеСальво потребовал удовлетворить его орально, заставил опуститься на пол и бросил под колени подушку... На этом он замолчал. Доктор Брайан несколько раз побуждал его рассказать об удушении, но ДеСальво никак не реагировал на его команды. Тогда гипнолог сменил тему и потребовал рассказать о дочери. Алберт стал показывать, как завязывал шнурки на её ботиночках, но доктор Брайан прервал его неожиданным вопросом, спросив, хочет ли он убить девочку? Дальше произошло такое, что нечасто происходит на сеансах гипноза – ДеСальво попытался ударить врача! Брайану пришлось приложить немало сил, чтобы успокоить впавшего в ярость пациента. Доктор вернулся к воспоминаниям об оральном сексе ДеСальво с неизвестной женщиной, но рассказа об убийстве так и не добился.

В конечном итоге сеанс гипноза закончился без единого свидетельства физического насилия ДеСальво в отношении женщины². Результат – что и говорить – оказался неожиданным! Человек, будучи в ясном уме, признавался в многочисленных убийствах, а в состоянии гипнотического транса ничего об этом не помнил!

Очевидно, что это было совсем не тот результат, на который рассчитывал Фрэнсис Ли Бэйли, затеявший всю эту авантюру. Адвокат проводил Уилльяма Брайана в Калифорнию и постарался забыть о результатах гипноза. Джон Боттомли, который, разумеется, знал обо всём, произошедшем 20 и 21 марта, также интереса к работе доктора Брайана не выказал. Какое трогательное единодушие прокуратуры и защиты!

Неудивительно, что о допросе под гипнозом, проведенном доктором Брайаном, сейчас мало кто знает. В документальных фильмах о «Бостонском Душителе» об этом нет ни единого слова, полная тишина в газетных публикациях и книгах. Оно и понятно – подобный результат заставляет серьёзно усомниться в том, что признания ДеСальво в убийствах искренни.

Заканчивая рассказ о сеансе гипноза, нельзя не сказать несколько слов о проявленной ДеСальво агрессии в отношении доктора Брайана. Это довольно редкая и даже нетипичная реакция, с которой большинство специалистов-гипнологов вообще не сталкиваются за все годы профессиональной работы. Тем не менее, продемонстрированное ДеСальво поведение

² Очень странно читать в англоязычной «Википедии» о том, что ДеСальво в ходе сеанса гипноза якобы сознался в убийствах. Необходимо ещё раз подчеркнуть: ДеСальво **НЕ** сознавался в убийствах, будучи в состоянии гипнотического транса, причём в это состояние он вводился дважды с интервалом в сутки. Также ДеСальво **НЕ** оставил никаких записей об убийстве при изложении сновидения, причём запись эту он делал внерассудочно, иррационально, не отдавая себе отчёта в том, что и для чего делает. Он выполнял установку, полученную в ходе сеанса гипноза, не зная о том, что таковая была ему дана.

не является ни аномальным, ни уникальным. Загипнотизированный может проявить агрессию в отношении гипнолога в том случае, когда последний даёт команду категорически неприемлемую и невыполнимую. Неправильно думать, будто человек в состоянии гипноза полностью утрачивает волю и самоконтроль – это не так! – снижается торможение в коре головного мозга, но фундаментальные установки и ограничения сохраняются. Вопрос Брайана о желании убить дочь, погруженный в транс ДеСальво расценил как недопустимый приказ, реакцией на который явилась агрессия. Это означает, что Алберт полностью исключал какое-либо насилие в отношении дочери. Только такую трактовку поведения ДеСальво следует считать правильной.

Спустя некоторое время после сеанса гипноза Алберт ДеСальво улучил момент и поинтересовался у своего лечащего врача, психиатра Эймса Роби (Ames Robey), что тот думает о совершенных им убийствах? Роби, наблюдавший работу Уилльяма Брайана от начала до конца и слышавший прежде рассказы ДеСальво от первого слова до последнего, только отмахнулся и высказался в том духе, что, дескать, я не прокурор и мне ты эту чепуху не продашь. Почтенный врач, проживший долгую и очень насыщенную жизнь – а умер Роби в октябре 2004 г – до последнего дня своей жизни в виновность ДеСальво не верил категорически.

Пока в Бриджуотере происходили описанные выше события, Бюро «Душитель» занималось своей обычной работой. Неизвестно в точности, что именно изучали Боттомли и его подчиненные в период с марта по июль 1965 г и эта безвестность – лучшее свидетельство того, что ничего экстраординарного они не делали.

Мы знаем только, что в апреле Боттомли затеял какой-то малопонятный публичный скандал, обвинив судмедэксперта из округа Миддлсекс Питера Дельмонико (Peter Delmonico) в должностном правонарушении. Тот якобы отвёл репортёров из журналов «Рекодр Америкэн» («Record American») и «Глоуб» («Globe») в квартиру, явившуюся местом убийства Беверли Саманс, а также предоставил журналистам возможность ознакомиться с результатами судебно-медицинской экспертизы по этому делу.

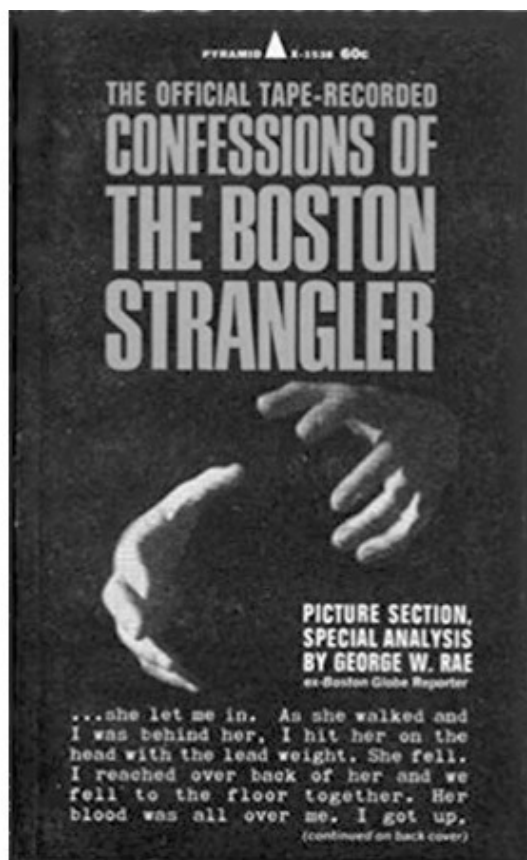
Автор должен признаться, что начало этой истории установить так и не смог, по-видимому, на каком-то этапе Бюро получило конфиденциальную информацию об утечке информации и какие-то основания побудили Джона Боттомли заподозрить в нечистоплотности Питера Дельмонико. Видимо в упомянутых журналах ранее имели место публикации, выдававшие хорошую осведомленность журналистов об обстоятельствах убийства Беверли Саманс и некие детали бросали тень именно на Дельмонико. Во всяком случае 10 апреля Боттомли подал Генеральному прокурору штата служебную записку с обвинениями в адрес окружного судмедэксперта. Информация об этом документе попала в прессу, что побудило Дельмонико отреагировать. 15 апреля он распространил открытое письмо, адресованное Боттомли, в котором просил последнего не обращаться к слухам, а изложить конкретно те факты, на которых тот основывает свои несправедливые подозрения. Прошла ровно неделя и Боттомли извинился перед Дельмонико.

В общем, история получилась странная и не до конца понятная.

Что происходило далее?

Боттомли в конечном итоге вернулся в Бриджуотер к ДеСальво. Примерно с середины июля до последней декады августа начальник Бюро встречался с последним в изолированной комнате и заслушивал его признания. Общение работника прокуратуры и сумасшедшего преступника записывалось на магнитофон, общая продолжительность сделанных тогда записей превышает 20 часов, а их расшифровка занимает более 2 тыс. страниц. В 1967 г писатель Джордж Уилльям Рэй (George William Rae) получил возможность ознакомиться с записями этих разговоров, в результате чего появилась книга «Признания Бостонского Душителя» («Confessions of the Boston Strangler»), текст которой, следует грамматическим формулировкам (дословно «grammatical formulations») ДеСальво. По крайней мере в этом уверяет читателя автор. Интересно то, что следуя «грамматическим формулировкам», Джордж Рэй

не приводит «юридически точных цитат» – такой вот интересный дуализм, о котором автор предупреждает в первой же главе своей книги.

В 1967 г Джордж Уилльям Рэй выпустил книгу «Признания Бостонского Душителя», представлявшую собой фрагменты признаний ДеСальво, сделанных Джону Боттомли летом 1965 г. В предисловии к книге подчёркивалось, что текст следует стенограммам допросов, хотя, разумеется, в силу ограниченного объёма книги, не воспроизводит их полностью.

Чуть ниже мы вернёмся к этому странному обстоятельству и попытаемся понять, что же оно означает, но пока скажем о другом. В 1992 г американская писательница Сюзан Келли получила доступ сначала к части расшифровок бесед Боттомли с ДеСальво, а потом, спустя почти 10 лет, и к большей их части. Документы эти намного более информативны, нежели их изложение Джорджем Рэем, поскольку позволяют представить процесс непосредственного общения Боттомли с подозреваемым.

Для правильной оценки рассказов ДеСальво нам важно помнить тех о критериях истинности, которыми руководствуется следователь при оценке показаний, получаемых в ходе допроса. Существует особое направление в криминальной психологии, которое называется «психология свидетельских показаний», в рамках которого разрабатываются правила, приёмы и методы такого поведения следователя во время допроса, которое позволило бы выявлять ложь допрашиваемого и склонять к сообщению правдивой информации. Психология свидетельских показаний стала развиваться как обособленное научное направление ещё в конце XIX столетия и с течением времени из него выделились отдельные подразделы: анализ свидетельских показаний детей, оценка и анализ показания жертв преступлений и т. п. В конце XX появились довольно необычные методики оценки письменных показаний, которые предполагают исключение всякого вербального общения участников процесса и получение и последующий анализ показаний исключительно в письменной форме. В общем, психология свидетель-

ских показаний в настоящее время является большим и хорошо разработанным направлением юридической психологии.

Итак, при оценке полноты, точности и правдивости рассказов, связанных с криминальными эпизодами, следует иметь в виду следующие обстоятельства:

- на способность человека свидетельствовать влияют индивидуальные черты его личности: полноценность органов чувств, интеллектуальное развитие и надёжность памяти. Дисфункция хотя бы одного из этих элементов может повлиять на способность правильно воспринимать события и, соответственно, свидетельствовать о них;

- степень вовлеченности допрашиваемого напрямую влияет на детализацию сообщаемых сведений. Рассказ постороннего человека всегда лаконичнее рассказа непосредственного участника. Также степень вовлеченности проявляется в эмоциональной окраске сообщаемых сведений;

- в случае невовлеченности допрашиваемого в криминальный эпизод рассказ о событиях до, во время и после его окончания сбалансирован и состоит из примерно одинаковых частей. В том же случае, если рассказчик каким-то образом вовлечён в излагаемые им события, резко возрастает подробность описаний эмоционально значимых фрагментов. При этом увеличивается продолжительность рассказа, имеет место фиксация на многочисленных деталях. Сексуальные преступники, совершающие многоэпизодные посягательства, обычно прекрасно помнят незначительные нюансы и мелочи, связанные с подготовкой преступления и реализацией замысла, они способны логично объяснять разного рода странности и нестыковки, ставящие в тупик посторонних. Нарушение баланса между отдельными частями рассказа (вступлением, основной частью и заключением), а также отсутствие в нём деталей, является указанием на несоответствие истине сообщаемой информации.

- связный рассказ в произвольной форме (вербальной, письменной – неважно) более точен, чем ответы на вопросы. Причина этого феномена кроется в том, что люди обычно рассказывают то, в чём не сомневаются, вопросы же могут касаться тех деталей, в которых рассказчик не уверен или вообще не осведомлен. Поэтому при ответах на вопросы рассказчик может непроизвольно «реконструировать» неизвестные ему обстоятельства, разумеется, ошибаясь при этом. Считается, что при ответах на вопросы свидетели допускают в 5—6 раз больше ошибок, чем при рассказе в свободной форме.

- способность людей ориентироваться и оценивать протяженность событий во времени зависит от пола, возраста и отчасти образования. Женщины оценивают время хуже мужчин (в их понимании время течёт быстрее), а также больше ошибаются при определении расстояний и количества предметов. Оценки свидетелей с гуманитарным образованием как правило менее точны, нежели свидетелей с техническим или вообще без образования. Утверждения детей вообще не должны приниматься на веру и требуют отдельной проверки. Может показаться удивительным, но у всех свидетелей особые затруднения вызывают оценки небольших величин – интервалов времени, дистанции, количества предметов.

- специфические проблемы доставляют свидетели, имеющие профессиональную деформацию мышления, связанную с родом работы. К таковым относятся преподаватели и юристы. Они обычно грешат безапелляционностью суждений и не признают собственных ошибок.

Теперь перейдём непосредственно к рассказам Алберта ДеСальво и попробуем объективно оценить их.

Вот, например, как он рассказал Джону Боттомли об убийстве Анны Слесерс: «В день совершения первого преступления – а это было летом 1962 года – лил дождь или собирался дождь, поскольку я помню, что взял плащ. Я сказал жене, что собираюсь на рыбалку, и прихватил удочку и рыболовную сеть, к которой крепились свинцовые грузила. Я знал, что собираюсь сделать это [то есть убить], поскольку, входя в здание, положил в свой карман свинцовые грузила. Я не знаю, зачем я туда поехал, я просто катался, чувствуя, как накапливается

напряжение и когда оно сделалось таким сильным, что я уже не мог терпеть, я просто припарковал автомобиль и пошёл в ближайшее же здание. Я пошёл так, словно мне требовалось туда пройти. Я вошёл в здание с номером 77, там на стекле над дверью имелась надпись золотыми буквами, дверь была массивная, тяжёлая, но она была открыта и я просто вошёл. Я поднялся на верхний этаж и она впустила меня без опаски. Поначалу большинство женщин пугаются, но я хорошо разговариваю и веду себя так, словно мне всё равно, впустят ли меня или нет. Я говорю быстро и не уверен в том, что именно говорю, понимаете? В её квартире налево от входа располагалась кухня, а ванная комната находилась через маленький коридор в футах десяти. Горел свет. Я заметил швейную машинку. Там было темновато. Окно со шторами, спальня с гарнитуром светло-коричневый, диван, проигрыватель с темной панелью и ещё более тёмными ручками регуляторов. Ванная комната с жёлтыми стенами, сама ванна белая, женщина намеревалась принять ванну, поскольку в неё набиралась вода. Играла музыка, длинная переливающая симфония и после того, как всё случилось, я проигрыватель выключил, хотя я и не уверен, что у меня всё получилось правильно. Женщина, отвернувшись, повела меня за собой, чтобы показать ванную комнату, там мне надо было поработать. Когда я увидел затылок, я ударил женщину по голове свинцовыми грузилами. Она повалилась, я схватил её за шею и мы вместе опустились на пол. Рана сильно кровоточила, просто ужасно. После того, как я надел ремень на шею женщины, я распахнул полы халата, раздвинул ноги и поиграл с ней, вот так. Я думаю, она была ещё жива, пока я занимался с ней этим. После, после всего этого, я осмотрелся и испытал гнев, не знаю почему, не знаю, что я увидел такого, понимаете меня? После этого я снял пиджак и рубашку, умылся и расчесался. Я достал женский плащ из коричневого шкафа в спальне. Я вышел в этом тёмном плаще, завернув рубашку и пиджак в собственный плащ. И первым, что я увидел, выйдя из дома, оказался полицейский. Он смотрел прямо на меня, но я прошёл мимо, не обращая на него внимание. Я уселся в свою автомашину и уехал, отправился в магазин военной униформы. Я снял женский плащ и оставил его в машине, зашёл в магазин, купил белую рубашку и надел её прямо там. Я уехал в Линн, разрезал свои рубашку и пиджак рыболовным ножом и бросил их в болоте, так, чтобы вода скрыла их. А после этого отправился домой.»³

Как видим, собственно преступление описано предельно лаконично. Из него мы лишь узнаём, что ДеСальво ударил жертву по затылку свинцовыми грузилами для рыболовной сети,

³ На английском языке этот рассказ дословно выглядит так, желающие могут самостоятельно поупражняться в литературном переводе: «That day of the first one, it was in summer of 1962 and I think it was raining or going to rain because I remember I had a raincoat with me. I told my wife I was going fishing and I took my rod and a fishing net that had these lead weights in it, I must have known I was going to do it because I had the lead weight in my pocket when I went into her building. I don't know why I went there, I was just driving around feeling the thing build up, the image, and when it got strong so I just couldn't stand it, then I'd just park and go into the first place coming along like it was just right for me to go in there. I went into number 77, I remember it said that on glass over the door in gold letters, and that the door was heavy but it was open and I just walked in. I went up to the top floor and she let me in without no trouble. Most of them was scared at first but I talk good and act like I don't care whether they let me in or not. I talk fast and I ain't sure what I'm saying sometimes, you know? Inside her apartment to the left was a kitchen then, down a little hall maybe ten feet, the bathroom. The light was on. I see a sewing machine. It was brown. A window with drapes, a light tan bedroom set, a couch, a record player, tan with darker colored knobs. The bathroom is yellow, the tub would be white and she was going to take a bath because there was water in it. Music is playing, long-hair symphonies and stuff like that, after I turned it off but I ain't sure if I got it all the way off. She took me along to show me the bathroom, what had to be done there for work, turning her back on me. When I see the back of her head I hit her on the head with the lead weight. She fell. I put my arm around her neck, and we fell together on the floor. She bleed a lot, terrible. After I put the belt around her neck I ripped open her robe and I played with her and pulled her legs apart, like this. I think she was still alive when I had intercourse with her. Then I look around and I'm angry, I don't know why and I don't really know what I'm looking for, you understand me? After, I took off my jacket and shirt and washed up and made a bundle. I grabbed her raincoat out of the brown cabinet in the bedroom. I went out wearing her raincoat, a tan one, carrying my shirt and jacket wrapped in my own raincoat. The first thing I see when I come out of the apartment is a cop. He looks at me but I don't pay no attention and go right past him to my car. I got into my car and drove around until I came to an army and navy store and I took off her raincoat and left it in the car and went into the store and bought a white shirt and put it on in the store. I drove towards Lynn and cut up my shirt and jacket with my fishing knife and threw them into a marsh where I know the waves will come and wash them away. Then I went home.»

душил оглушенную жертву ремнём и совершил с нею половой акт. Единственная деталь, связанная с Анной Слесерс, касается раны на её голове – та сильно кровоточила. Сообщенное Альбертом описание изнасилования и убийства занимает совсем небольшую часть признания. Если считать, что это описание начинается со слов «She took me along to show (...)» и заканчивается словами» (...) what I'm looking for, you understand me?», то содержательная часть укладывается всего в 579 знаков с пробелами из 2837. Другими словами, самая эмоционально значимая для преступника часть его действий составила всего 20,4% общей продолжительности его признания!

Это непозволительно мало для человека, рассказывающего о действительно совершенном преступлении. В признательных показаниях сексуальных преступников всегда присутствуют довольно подробные описания их действий и переживаний, причём, порой очень яркие. Преступники рассказывают о пережитом возбуждении, об эрекции или её отсутствии, о семяизвержении, о запахах, словах, криках и т. п. Для них это очень важные моменты, ведь это возжеланный пик их потуг... А в признании ДеСальво мы ничего этого не видим.

Зато мы видим, что все, сообщенные им детали, связаны с предметами мебели и обстановки: швейная машинка, опущенные шторы, тёмный шкаф в спальне, у проигрывателя ручки темнее, чем его передняя панель... Все эти вещи и детали попадали в кадры полицейской фотосъёмки, которые ДеСальво, как отмечалось выше, имел возможность рассматривать во время своего общения с Боттомли.

Насколько Альберт был точен в мелочах? Скажем прямо, не очень точен. О чём идёт речь?

1) ДеСальво сообщил, что поднялся наверх и убил женщину из квартиры на последнем этаже. На самом деле Анна Слесерс жила на **предпоследнем**, причём соседи сверху и снизу в момент совершения преступления находились дома. **В дверь соседа сверху, жившего на последнем этаже дома, в тот вечер никто не стучал.**

2) ДеСальво заявил, будто душил женщину ремнём («belt»). На самом деле Анна Слесерс была задушена пояском собственного халата.

3) ДеСальво утверждал, будто при его появлении проигрыватель грампластинок был включен и он его выключил. На самом деле, **выключатель проигрывателя был неисправен и его невозможно было выключить** штатно. Юрис Слесерс, сын убитой женщины, перепаял схему и вывел тумблер выключения электропитания на заднюю стенку проигрывателя. Убийца Анны не нашёл выключатель и просто уменьшил громкость звука, повернув регулятор громкости в крайнее левое положение. Полицейские, вошедшие в квартиру после поступления вызова, обнаружили проигрыватель включенным.

4) ДеСальво рассказал, будто в состоянии гнева бесцельно осматривал квартиру, являющуюся местом преступления. Не совсем понятно, почему преступник после убийства испытывал гнев (он должен был, напротив, успокоиться!), но в данном случае интересно даже не это. ДеСальво никак не объяснил для чего переворачивал мусорную корзину на кухне и осматривал её содержимое. Полицейские считали, что убийца искал в мусоре какой-то предмет, связанный с ним (например, визитную карточку, которую мог вручить ранее). Было бы любопытно послушать объяснение этим действиям, но... никаких объяснений не прозвучало. Джон Боттомли осведомился у ДеСальво, находилась ли мусорная корзина в спальне, на что последний ответил без затей, что не помнит. На этом все разговоры о корзине закончились.

Конечно, в этом месте кто-то может возразить, что со времени совершения преступления минули 2 года и ДеСальво вполне мог позабыть многие нюансы. Что ж, возражение уместно, поэтому можно изучить содержание других показаний ДеСальво, связанных, скажем, с убийством Нины Николс. Сразу заметим, что это один из самых «гладких» рассказов Альберта и чуть позже станет ясно почему.

Итак, вновь передаём слово ДеСальво: «В общем, я нарезал по центру круга на машине целый день и я добрался до парковки на Коммонвэлф-авеню, где и оставил свою машину, и дошёл пешком до дома номер 1940. Было ужасно жарко, и я чувствовал собственный пот и его запах, и мне это не нравилось, поскольку я люблю держать своё тело очень чистым. Я посмотрел на имена на почтовых ящиках и на звонках внутри дома под номером 1940, выбрал пару женских имен и нажал на звонок рядом с первым именем. Я стоял там, дожидаясь, чувствуя, что воображение играет и совершенно не задумываясь о том, что именно я собираюсь сказать, поскольку знаю, что что-то придет ко мне, как обычно. Ничего не происходило. Я тогда нажал на второй звонок, и через несколько минут дверь зажуужжала... дважды... и я вошёл холл. Лестница наверх заворачивалась вокруг лифта справа, и я стал неторопливо подниматься по ней, шагая по одной ступеньке. Забавно, не так ли, что первая женщина не ответила на звонок или её попросту не было дома, или нечто подобное, что обычно так маловероятно, понимаете, о чём я?

На открывшей двери женщине была роба, вы можете называть её домашним халатом, цвет, по моему мнению, был красноватый или розоватый. Женщина, насколько я помню, была в очках и синих снекерсах [разновидность кед – прим. А.Р], не так ли? «Что вы хотите?» – сказала она, и голос звучал несколько диковато, немного нетерпеливо, как будто её беспокоило моё присутствие. Я сказал: «Мне хотелось бы проверить вашу квартиру на наличие протечек воды». Всегда находилось, что сказать, и всегда объяснение оказывалось каким-то простым и лёгким, и происходило это естественно, вы же знаете? И женщина сказала: «О, отлично, заходите, только сделайте всё быстро, я собираюсь уходить». Однако я уже знал, что она никуда не уйдёт после того, как я закрою за собой дверь, хотя я боролся с этим всю дорогу. Забавно, я ведь не хотел входить туда, я просто не желал, чтобы это случилось. И вот я иду, шагаю с ней из одной комнаты в другую. В спальне она отвернулась, я увидел затылок, мне стало жарко, голова словно взорвалась, едва я увидел её затылок, а не лицо. Я схватил её сзади и мы упали на кровать. Я не расскажу о том, как это случилось. Я не хотел бы об этом говорить. Я схватил её и она повалилась со мною на кровать, сверху меня. Потом мы скользнули с кровати и я оказался вот в таком положении, вы видите, мои руки на шее женщины, а ступни моих ног охватывают нижние части её ног, вы понимаете?

Это очень тяжело и я сожалею, что настолько всё запутал, но о том, что происходило после, я не хотел бы говорить, понимаете? Я имею в виду бутылку и её ноги – как вы сказали? – да, и бутылка там лежала, и то, что я делал с бутылкой, понимаете? Это очень сложно для меня. Изначально, насколько я помню, на ней были туфли, возможно, кеды, домашние тапочки или что-то в таком духе. Просто я до сих пор не уверен в этом. Я пытаюсь отвечать на ваши вопросы, сэр, так, чтобы всё стало ясным и помогло мне самому разобраться в произошедшем. Я хочу это сделать и я отвечаю: да, когда она повалилась на меня сверху, она всё ещё оставалась в сознании, я поднял её с кровати и я не знаю, может быть, я положил её на пол? Я лежал с нею на полу, я не могу сказать, был ли этот пол деревянным или мы лежали на ковре, я открыл её халат, оборвав несколько пуговиц и что-то, что было надето под халатом. Я полагаю, что это были бюстгальтер и трусики, и я их снял. Нет, это был просто слип и я поднял его выше талии. И у меня был с нею половой акт с нею там, на полу, и в течение минуты я чувствовал себя хорошо. А потом я посмотрел на неё – она всё ещё выглядела живой и тогда я пошёл, отыскал шёлковый чулок, завязал его туго, три раза вот так. И всё это время гнев накапливался во мне, я чувствовал, что злюсь, очень злюсь, когда смотрю на её лицо без очков с широко открытыми глазами, которые могут быть как мертвы, так и нет. Она не двигалась, меня это бесило, очень бесило то, что видел её такой, поэтому я взял другой шёлковый чулок, скрутил с ещё одним и обмотал шею, да так сильно, что они врезались в шею. И вот тогда я уже знал, что она больше дышать не будет».

Этот рассказ считается одним из самых полных описаний, сообщенных ДеСальво во время допросов летом 1965 г. Несложно догадаться почему – потому, что в нём очень мало деталей. Это криминальное эссе, если можно так выразиться, сплошь пересыпано оговорками вроде, «мне не хотелось бы об этом говорить», «вы же понимаете, что я хочу сказать», «мне тяжело об этом говорить» и т. п. Подобные «описания в свободном стиле» не принял бы ни один объективный суд в мире, потому что из сказанного картина преступления остаётся совершенно непонятной. В какой форме ДеСальво осуществил половой акт? Был этот половой акт законченным, т.е. имело ли место семяизвержение? Как именно использовалась бутылка из-под вина? Какой-либо другой предмет применялся в качестве сексуальной игрушки? И самый главный вопрос: что именно похитил ДеСальво из квартиры Нины Николс? Ведь мы помним, что эта женщина оказалась, пожалуй, самой обеспеченной из всех жертв, приписанных «Фантому». Следствие считало, что из её дома пропали некоторые вещи, в т.ч. дорогостоящая фотокамера, уж её-то сложно позабыть, это не колечко и не пара долларов... А ДеСальво всегда подчёркивал, что он – не вор и не грабитель, он – по другой части!

Автор должен признаться, что после первого прочтения признаний ДеСальво, испытал сильное разочарование. Даже в протоколах допросов убийц, датированных XIX столетием, мы находим больше деталей и натурализма в описаниях. Признательные показания практически всех сексуальных убийц, чья вина не может быть поставлена под сомнение, воспроизводить в открытой печати в полном объёме невозможно – это совершенно аморальный порнографический текст. А признания ДеСальво на их фоне выглядят просто-напросто безобидным школьным сочинением. Слово ученик старшей школы решил поупражняться в фантазиях на криминальную тему, понимаете? Это не признания убийцы!

Во время общения с Боттомли в июле – августе 1965 г Алберт ДеСальво допустил великое множество не просто оговорок или неточных высказываний, а утверждений заведомо противоречащих данным, полученным в ходе расследования. Можно насчитать до полусотни пунктов, по которым объяснения Алберта явно расходились с тем, что было известно правоохранительным органам.

Назовём некоторые из наиболее примечательных:

– ДеСальво заявил, что убил Беверли Саманс ножом, который принёс с собою. По его словам, это был складной нож, который он похитил во время одной из квартирных краж (чуть ниже будет подробнее рассказано о его жизни до ареста в 1964 г, сейчас же лишь отметим, что в конце 1950-х гг и в начале 1960-х гг он активно подворовывал из жилых домов). Затем, правда, он несколько видоизменил показания и заявил, будто тайно взял нож в автомастерской, где красили его машину. После совершения убийства он якобы унёс нож с собою и выбросил его в болоте на пути к городу Линну, к северу от Бостона. Эти показания ДеСальво во время общения с Боттомли повторял не менее 5 раз! На самом же деле Беверли Саманс была убита ножом из её собственного столового набора. Преступник взял нож на кухне, а после совершения убийства положил его на край мойки, очевидно, рассчитывая вымыть и вернуть в стол. Он явно не собирался уносить оружие преступления с собою. Это решение, кстати, выглядело вполне разумным с точки зрения опытного уголовника – тем самым убийца исключал угрозу быть задержанным с окровавленным ножом в кармане. Однако что-то отвлекло преступника и тот забыл вымыть нож, который полицейские обнаружили через двое суток, лежащим на краю кухонной мойки. Эти рассказы про нож до такой степени вывели из себя присутствовавшего на одном из допросов Джорджа МакГрата (George McGrath), сотрудника Департамента исправительных учреждений штата, о котором мы скажем несколько слов ниже, что тот в сердцах воскликнул: «Чёрт возьми, ДеСальво, ты нам расскажешь, наконец, откуда же ты взял этот нож?!» На что допрашиваемый в очередной раз повторил сказку про белого козлика, т.е. про мастерскую по покраске автомашин. Алберт попросту не знал происхождения ножа, поэтому был вынужден раз за разом повторять историю, не имевшую ничего общего с реальностью.

– ДеСальво много и мучительно вспоминал, что именно повязал на шею Беверли Саманс, и каждый раз не угадывал. Сначала он вроде «вспоминал» о нейлоновом чулке, затем по реакции Боттомли понял, что сильно ошибается, и постарался припомнить получше. Через три недели он уточнил, что ничего на шее Беверли не завязывал. На самом деле, на шее Саманс были завязаны два нейлоновых чулка и белый шёлковый шарфик, но завязаны не туго, не так, как это делал «Фантом», из чего полиция заключила, что имеет дело с убийцей-подражателем. Согласитесь, найти правильный ответ довольно сложно, особенно в том случае, если не делал того, о чём рассказываешь!

– ДеСальво утверждал, что во время совершения нападений не пользовался перчатками, а для того, чтобы исключить оставление отпечатков пальцев, старался не прикасаться к гладким поверхностям. В некоторых эпизодах криминалистам при изучении следов удалось зафиксировать отпечатки пальцев и ладоней преступника. Наибольшее доверие вызывали кровавые отпечатки пальца и части ладони, обнаруженные на месте убийства Иды Ирги. Папиллярный узор убийцы, оставленный кровью жертвы – это железная улика, пожалуй, лучшая из всех, о которой могли только мечтать детективы до появления молекулярно-генетических экспертиз. Однако отпечатки пальца и ладони убийцы, найденные в квартире Иды Ирги, не соответствовали отпечаткам Альберта ДеСальво.

– Рассказывая об убийстве Эвелин Корбин в Салеме в сентябре 1963 г, ДеСальво заявил, будто убедил женщину открыть ему дверь, сославшись на распоряжение администратора дома осмотреть трубы водоснабжения. Буквально он якобы заявил женщине: «Я слесарь, меня прислал супер!» «Супер» – это сокращение от английского «супервайзер» («supervisor»), по смыслу сказанного ДеСальво имел в виду администратора дома, в котором проживала Эвелин Корбин. Однако в 1963 г в Салеме этим словом администраторов не называли. Это словечко тогда широко использовалось в Бостоне, а вот в провинциальном Салеме оно было не в ходу. Если бы ДеСальво действительно сказал Эвелин Корбин такую фразу, то она попросту не поняла бы его. Кроме того, Эвелин хорошо знала слесаря-сантехника, обслуживавшего дом, потому попытка ДеСальво обмануть её не могла увенчаться успехом.

– ДеСальво не курил всю взрослую жизнь – об этом заявляли его родные, знакомые и даже адвокат, защищавший Альберта после ареста в октябре 1964 г. Однако, услышав от Боттомли в марте 1965 г, что по мнению членов Бюро «Душитель» убийца иногда оставлял на местах преступлений окурки, Альберт вдруг начал курить. Причём, он принялся всем рассказывать, что может курить любые сигареты и, вообще-то, курил всю жизнь! К лету 1965 г он уже вовсю дымил и известно немало фотографий, запечатлевших ДеСальво с сигаретой во рту или в руке.

– По нескольким эпизодам имелись свидетели, которые по мнению полиции видели убийцу. Ни один из них не опознал ДеСальво при предъявлении фотографий последнего. Хорошо узнаваемой приметой ДеСальво являлся крупный мясистый нос, но ни в одном из описаний предполагаемого убийцы подобный нос не упоминался. Напротив, свидетели сообщали о тонком носе. Некоторые из свидетелей, рассматривая фотографии нескольких подозреваемых, заявляли, что Нассар, сокамерник Альберта в Бриджуотере, похож на преступника гораздо больше нежели ДеСальво.

– Рассказывая об убийстве Мэри Салливан, ДеСальво сообщил, будто имел с потерпевшей половой акт в традиционной форме, осуществив семяизвержение во влагалище. Это совершенно не соответствовало той картине преступления, что была зафиксирована криминалистами и судебными медиками. Ранее в этой книге мы останавливались на этих нюансах, так что углубляться в них здесь вряд ли нужно, заметим лишь, что сперма оказалась найдена на груди и во рту жертвы, а также на пододеяльнике. Нельзя не отметить странность того, что Боттомли оставил без внимания явное несоответствие слов допрашиваемого данным следствия. Эта флегматичность руководителя Бюро «Душитель» однозначно свидетельствует о его незаинтересованности в установлении истинных обстоятельств произошедшего.

– ДеСальво постоянно путался, называя этаж, на котором проживала та или иная потерпевшая. Чтобы как-то объяснить систематически возникавшие противоречия с данными следствия, он придумал довольно странную отговорку. Он стал утверждать, будто считает этажи не так, как прочие жители Бостона. Нежилой бельэтаж, в котором обычно располагаются магазины или офисы, он считает первым этажом, а следующий первый жилой этаж называет «вторым». Поэтому когда в его рассказах возникала путаница, а возникала она буквально по каждому эпизоду, ДеСальво снисходительно пояснял, дескать, вы же понимаете, я всегда так считаю и поэтому мой подсчёт этажей не соответствует тому, как считают остальные. Удивительно, но Джон Боттомли удовлетворился этим объяснением! Но кроме этажей ДеСальво путал и другие числа – номера домов, календарные даты, денежные суммы и т. п. Чтобы объяснить перманентную путаницу в числах, ДеСальво заявил, что постоянно их переставляет в уме и не может запомнить порядок цифр. Такой вот довольно неуклюжий намёк на математический кретинизм, абсолютно недостоверный, кстати. ДеСальво, как станет ясно из дальнейшего, очень хорошо учился в школе, а в армии служил в артиллерии, так что ссылки на нелады с цифирью не могут считаться удовлетворительными. Но ведь помимо номеров домов, квартир, денежных сумм и этажей Алберт путался и в датах! Для этого он тоже выдумал довольно странное объяснение, согласно которому календарные даты не запоминает потому, что отслеживает только дни недели. Нельзя не отметить того, что подобная небрежность нехарактерна для серийных убийц, обычно они хорошо помнят дни совершения преступлений и даже если их забывают, то могут быстро восстановить в уме, отсчитывая от памятных для них календарных дат. Причина подобного избирательного запоминания проста и понятна – убийства являются эмоционально значимыми для преступника событиями. В случае Алберта ДеСальво ничего подобного нет и в помине.

– Нельзя пройти мимо ещё одной прелюбопытнейшей нестыковки, о которой нигде никогда не упоминалось. Во всяком случае в популярных книгах и статьях о «Бостонском Душителе» данную деталь отыскать невозможно. О чём же идёт речь? Оказывается, ДеСальво впервые сознался в убийствах отнюдь не Джорджу Нассару и не Ли Бейли, а некоему Стэнли Сеттерлунду (Stanley Setterlund), также находившемуся в Бриджуотере в целях проведения психолого-психиатрической экспертизы. Этот человек был сварщиком по профессии, попавшим за решётку по обвинению в ограблении. Насколько обвинение было справедливым нас сейчас интересует мало, заметим лишь, что Сеттерлунда врачи признали здоровым и в дальнейшем его перевели из Бриджуотера в окружную тюрьму в Ворчестере (Worcester county jail). Так вот Алберт ДеСальво в начале 1965 г. заявил Стэнли Сеттерлунду, что готов сознаться в... 11 убийствах! И за своё признание он хотел бы получить сумму в 10 тыс.\$.. Сразу поясним, в чём кроется пикантность момента: чуть ниже мы увидим, что ДеСальво сознался в одном убийстве, которое не было известно правоохранительным органам, таким образом в его предполагаемом признании общее число эпизодов, связанных с «Фантомом», сокращалось до 10. Однако в конечном итоге он сознался в 13 убийствах! И случилось это после знакомства с Джоном Боттомли. ДеСальво не имел ни малейших резонов уменьшать количество эпизодов, ведь если бы он хотел что-то скрыть от Правосудия, то мог вообще ни в чём не сознаваться!

Bridgewater in January, 1965, and Albert told him "he had something bigger than the Brink's robbery and the Plymouth mail robbery."

Q. Did he tell you specifically what he was referring to? A. About some murders.

Q. How many murders. A. Eleven.

Q. What did he say about the 11 murders? A. He said they were worth a lot of money . . . \$10,000 apiece. He said he knew about the murders and he was the man they were looking for.

Q. Did he tell you anything about the places of the murders,

Фрагмент допроса, в котором Стэнли Саттерлунд говорит о признании ДеСальво в 11 убийствах

Напротив, ему следовало заявить о как можно большем количестве убийств, дабы подтолкнуть правоохранительные органы к контакту и серьёзному к себе отношению. То, что ДеСальво изначально планировал сознаться в убийстве 11 человек, имеет только одно разумное объяснение – он знал только об 11 случаях! Откуда он узнал – это вопрос, лежащий в другой плоскости и мы пока вынесем его скобки, просто учтём, что в своём месте найдём на него ответ. Важно то, что изначально ДеСальво имел в виду сделать признание только в 11 убийствах, но когда Боттомли предложил ему, условно говоря, «расширенный» список, Алберт спорить не стал... Зачем спорить, ведь мы джентльмены и мы договорились, вы поможете мне, а я помогу вам, логично ведь! Заявление Стэнли Сеттерлунда, сейчас всеми позабытое, является отличным доказательством того, что Боттомли сильно повлиял на признания ДеСальво и фактически слепил из них то, что было нужно прокуратуре штата.

– В рассказах ДеСальво присутствует серьёзная методологическая ошибка, которую Боттомли не смог, либо не захотел заметить. Дело заключается в том, что серийные убийцы изначально совершают нападение с довольно большим интервалом, который с течением времени начинает сокращаться. Сокращение времени между нападениями обусловлено целым рядом психофизиологических факторов, влияющих на преступника, которые вряд ли нужно рассматривать в этом месте. Достаточно сказать, что данное явление подтверждается обширной статистикой и не может быть поставлено под сомнение. Однако в случае с «Бостонским Душителем» картина наблюдалась прямо обратная – наибольшую интенсивность преступных посягательств мы видим в самом начале криминальной активности, приписанной этому убийце – т.е. летом 1962 г – после чего частота посягательств только снижалась. ДеСальво, если только он действительно являлся тем преступником, за которого себя выдавал, должен был объяснить столь атипичный спад собственной потребности убивать. Однако никто никогда таких объяснений от него не услышал.

– Много сомнений в виновности ДеСальво рождает размышления над результатами сеанса гипноза, проведенного Уильямом Брайеном 20 и 21 марта 1965 г, о чём упоминалось выше. Алберт, пребывая в гипнотическом трансе, т.е. будучи не в состоянии контроли-

ровать собственную речь и память, ничего не сказал об убийствах. И ничего не написал о них в записке, в которой изложил содержание сновидения, приснившегося ему в ночь на 21 марта того года.

Помимо описанных выше ляпов и нестыковок в рассказах Алберта ДеСальво присутствовал фрагмент, который до некоторой степени застал Джон Боттомли врасплох. Арестант сознался в убийстве, в котором его никто не обвинял! Точнее, он сделал сообщение об убийстве, которое на тот момент вообще оставалось неизвестно правоохранительным органам.

Согласно утверждению ДеСальво, в конце июня 1962 г он проник в одну из квартир дома №1435 по Коммонвэлф-авеню, где некоторое время разговаривал с открывшей ему дверь пожилой женщиной. Звали её Мэри. В какой-то момент Алберт перешёл к активным действиям – он охватил женщину сзади за шею, намереваясь осуществить удушение, но та моментально обмякла и потеряла сознание. ДеСальво уложил её на диван и, ничего не похитив, покинул квартиру. Он не осуществил полового акта и фактически не причинил потерпевшей каких-либо телесных повреждений. Произошедшее явилось для него полной неожиданностью и до некоторой степени обескуражило его. ДеСальво заявил, что внимательно просматривал прессу, ожидая увидеть сообщение об очередном убийстве пожилой женщины, но никакой заметки по этому поводу так никогда и не появилось.

Проверка показала, что информации, сообщенной Албертом, до некоторой степени соответствует смерть 85-летней Мэри Маллен (Mary Mullen), последовавшей 28 июня 1962 г. Случившееся с ней никогда до лета 1965 г не рассматривалось как криминал, поскольку в качестве причины смерти врач назвал сердечную недостаточность.

Признание ДеСальво в этом убийстве является одной из самых больших загадок во всём, что связано с этим человеком. Казалось бы, для чего Алберту сознавать в том, что ему не инкриминируют? Жажда славы? Но тогда следовало сознаваться не в одном, а в двадцать одном убийстве! Или в тридцать одном – чем больше, тем лучше. Одно убийство ничего особенного не добавляет к списку, уже состоящему из более чем десятка эпизодов.

Существует ли какое-то рациональное объяснение тому, что ДеСальво рассказал Боттомли об убийстве Маллен? Думается, да.

Боттомли гарантировал ДеСальво непривлечение его к уголовной ответственности по тем случаям убийств, в которых тот сознается. Поэтому ДеСальво мог давать признательные показания по любому количеству убийств – это не влекло для него никаких негативных правовых последствий. Но таковые могли последовать в том случае, если с ним будет связано хотя бы одно убийство, в котором он не сознается. Летом 1965 г смерть Мэри Маллен не считалась насильственной и никому не приходило в голову считать женщину жертвой «Бостонского Душителя». Но ДеСальво этого не знал, а потому решил подстраховаться от возможного преследования в будущем, что нельзя не признать вполне разумным.

Но подобная предусмотрительность убедительно доказывает причастность Алберта к смерти Мэри. Другими словами, его рассказ – не вымысел, он говорил о том, что действительно имело место и пытался предупредить вероятную в будущем угрозу своей сделке с Боттомли.

В этой связи заслуживает особого внимания сообщение одной из жертв ДеСальво, на изнасилование которой тот покушался в 1964 г.⁴ Запугивая одну из своих жертв, Вирджинию Торнер (Virginia Thorner) насильник заявил, что убьёт её и для пущей убедительности добавил, что ему уже довелось убить пожилую женщину и полиция не смогла его отыскать.

⁴ Напомним, что в октябре того года его связали с 8 случаями проникновений в жилища и посягательств на половую неприкосновенность находившихся там женщин. По каждому из этих эпизодов ДеСальво дал признательные показания, но в дальнейшем от 4 из них отказался, заявив, что оговорил себя.

Вирджиния уверяла на допросе в полиции, что преступник совершенно ясно говорил о единственном случае убийства.

Слова Вирджинии позволяют лучше проникнуть в логику ДеСальво. Тот понимал, что у полиции есть человек, чьи показания представляют для него немалую опасность. Вдруг кто-то надумает прислушаться к словам Вирджинии и установить личность загадочной женщины, об убийстве которой прежде не было известно? Чтобы нейтрализовать угрозу возможного в будущем расследования – пусть и маловероятного уже в 1965 г – ДеСальво имело смысл воспользоваться «индальгенцией», полученной от Боттомли. Зачем скрывать убийство, если можно сознаться в нём и получить иммунитет от преследования в будущем?

Следует признать, что это совершенно разумный ход и ДеСальво поступил бы очень глупо, если бы не воспользовался замечательной возможностью устранить потенциальную угрозу своему будущему.

Подводя итог сказанному, можно отметить следующее: нет физических улик причастности ДеСальво к убийству Мэри Маллен, более того, нет даже гарантии того, что такое преступление имело место в действительности, но косвенные соображения позволяют самым серьёзным образом отнестись к заявлению Алберта ДеСальво о его виновности в этом убийстве.

В августе 1965 г в истории отношений Джона Боттомли и Алберта ДеСальво возник упоминавшийся выше Джордж МакГрат. Это был чиновник Департамента исправительных учреждений штата Массачусетс, занимавшийся инспекцией тюрем. В деле ДеСальво он выступил в очень необычной роли, а именно – он стал опекуном Алберта. Официально ДеСальво являлся тяжёлым шизофреником, чей диагноз вряд ли мог быть поставлен под сомнение, а потому Боттомли для заключения с ДеСальво сделки должен был оградить себя от попыток её дезавуировать ссылкой на недееспособность пациента. Именно для этого нужен был человек, способный представлять интересы Алберта, и готовый подтвердить под присягой в суде, что ДеСальво давал показания без принуждения и в ясном сознании при полном понимании своих конституционных прав. ДеСальво нуждался в опекуне и им оказался упомянутый МакГрат.

Как именно сей персонаж всплыл в этой истории совершенно непонятно. Сюзан Келли в 1990-х годах пыталась разобраться в этом вопросе, но какой-либо ясности не добилась. Кто пригласил МакГрата представлять интересы неизвестного ему лично сумасшедшего узника Бриджуотера и почему МакГрат согласился на это странное предложение неизвестно до сих пор.

1964 год: Джордж МакГрат, комиссар Департамента исправительных учреждений штата Массачусетс, демонстрирует журналистам лаз в подземный ход в мастерской тюрьмы в городе Уолпол (Walpole), через который группа заключенных намеревалась совершить побег. МакГрат был чиновником довольно высокого уровня и сложно объяснить, как такому человеку было разрешено представлять интересы одного из заключенных. Не следует забывать, что он являлся государственным служащим и до некоторой степени его интересы вступали в противоречие с интересами ДеСальво.

Из изучения записей бесед Боттомли с ДеСальво известно, что МакГрат присутствовал по меньшей мере на трёх встречах – одной в августе 1965 г и двух в сентябре. Т.е. чиновник присоединился к процессу «собеседований» уже на заключительном этапе, когда ДеСальво

практически закончил свои рассказы и Боттомли возвращался к отдельным их фрагментам для уточнения деталей.

Во всей истории появления МакГрата самой большой загадкой остаётся не сам факт назначения опекуна, а то, почему в роли такового не выступил кто-либо из родственников ДеСальво. У Алберта было много родни, причём некоторые из его братьев и сестёр относились к нему с большим вниманием, теплотой и даже трепетом, в дальнейшем мы увидим тому яркие подтверждения. Родственники не отказали бы Алберту в просьбе представлять его законные интересы, но... никто к ним с такой просьбой не обратился! Почему?

Думается, перед нами свидетельство очень некрасивой комбинации, затеянной и реализованной Боттомли при поддержке Ли Бэйли. Помощник Генерального прокурора отсек родственников ДеСальво не без умысла – он оправданно опасался, что родственник Алберта, получивший полномочия опекуна, не позволит ему заключить соглашение с Боттомли и отвергнет посреднические услуги адвоката. То есть опекун мог полностью расстроить начатую Боттомли комбинацию по разоблачению «Бостонского Душителя» в лице ДеСальво. Чтобы исключить подобное развитие событий и не допустить срыва соглашения Алберта с прокуратурой на основании невменяемости первого, руководитель Бюро «Душитель» и решился на эту затею с оформлением опекуна. Нельзя не признать – это был весьма эффективный и разумный с точки зрения закона шаг, но с точки зрения морально-этической его следует признать весьма спорным.

Завершая разговор о МакГрате и его участии в этом деле, добавим, что сей почтенный муж ни во что не вникал, со всем соглашался и никакого интереса к судьбе опекаемого не демонстрировал. Он даже не являлся в суд, когда там рассматривали важные для судьбы ДеСальво вопросы. Это невнимание Джорджа к тому, что происходило с его подопечным, ярко демонстрирует его истинную роль в этом деле – МакГрат знал, что роль его сугубо формальна и никто не ждёт от него настоящей защиты интересов ДеСальво.

Джордж прекрасно справился со своими обязанностями, благо они оказались совсем не обременительны, и за умение играть по правилам был сторицей вознаграждён. Не прошло и года со времени оформления его опекуна, как он получил очень выгодное карьерное предложение и перешёл на работу в федеральную систему исполнения наказаний, уехал из Массачусетса и обосновался в Нью-Йорке.

Он пережил ДеСальво более чем на три десятилетия, но никогда никому не рассказывал о своём участии в разоблачении «Бостонского Душителя». Он не дал ни одного интервью на эту тему, не написал воспоминаний, ничего не рассказал детям... Очень жаль! В лице Джорджа МакГрата мы могли бы найти очень осведомленного свидетеля, ведь он был одним из немногих, кто присутствовал на беседах Боттомли с ДеСальво, видел, что именно прокурор показывал последнему, какие записки передавал, как жестикулировал. Многие невербальные нюансы общения не зафиксированы аудиозаписью, а ведь они могли бы очень многое сказать о поведении участников бесед. Тем не менее, даже то, что попало в магнитофонную запись, весьма красноречиво! МакГрат во время разговоров с ДеСальво говорил немного, но реплики его были обычно скептического свойства, что-то вроде: «Алберт – это неубедительно!», «Алберт, дай нам что-то ещё!», «Алберт, прокурор этому не поверит» и т. д.

МакГрат был опытным работником правоохранительной системы, он повидал на своём веку немало негодяев и провёл немало допросов. По-видимому, он испытывал сильный скепсис по поводу того, что говорит ДеСальво и как Боттомли вёл свою работу. Но, повторим, Джордж никаких суждений на сей счёт никогда не высказывал и все свои суждения унёс с собою.

В первой декаде августа 1965 г один из уголовников, проходивший психиатрическую экспертизу в Бриджуотере, связался со знакомым детективом полиции Бостона и сообщил, что некий его знакомый сообщает интересные детали убийства Мэри Салливан. Напомним, что Мэри являлась последней известной полиции жертвой «Бостонского Душителя». Детектив

передал информацию в отдел расследования убийств BPD и лейтенант Донован приказал проверить «сигнал». Оказалось, что речь в сообщении «конфидента» шла об Алберте ДеСальво. С последним в это время уже работал Джон Боттомли, который, напомним, наложил строжайший запрет на допуск к ДеСальво представителей полиции и прокуратуры. По этой причине от допроса Альберта пришлось отказаться, однако «стукача» попросили выяснить у ДеСальво побольше деталей, связанных с преступлением.

«Конфидент» выполнил поручение и рассказал странное. ДеСальво якобы поведал ему, будто был знаком с Мэри Салливан, знакомство с нею свёл летом 1963 г в деревне Сан-Диал, где она отдыхала вместе со своим другом Нейтом Уордом. Алберт довольно близко сошёлся с последним, они вместе выпивали и много болтали. Уорд якобы признался ДеСальво в том, что также, как и Алберт, является насильником – это, дескать, их и сблизило.

Рассказ осведомителя показался детективам небезынтересным, в том числе и потому, что сообщенные детали поддавались проверке. Полицейские отыскали Нейта Уорда и навели у родственников Мэри Салливан необходимые справки. Ничего не подтвердилось – Мэри и Нейт никогда не отдыхали в Сан-Диал, кроме того, Уорд не опознал ДеСальво на предъявленных ему фотографиях.

История эта произвела двоякое впечатление. Представлялось маловероятным, чтобы осведомитель оболгал Алберта ДеСальво от начала до конца. Тот, по-видимому, какие-то разговоры вёл и нечто о Мэри Салливан рассказывал. Но во имя чего ДеСальво нёс чепуху, которая легко отметалась при проверке? Какую игру он пытался играть и зачем выдавал себя за убийцу, не являясь таковым? В общем, лейтенант Донован получил ещё одно подтверждение тому, что ДеСальво сильно нездоровый на голову человек, трепач и мифоман.

Хотя нельзя было полностью отрицать того, что некие резоны для такого довольно странного поведения ДеСальво мог иметь. Но для того, чтобы их понять, следовало разобраться в том, кем же именно являлся этот человек.

Персональная война Алберта ДеСальво

Алберт ДеСальво родился 3 сентября 1931 г в городе Челси, ближайшем пригороде Бостона, расположенном от него в паре километров к северу, за реками Челси и Мистик. Родители его – Фрэнк, родившийся в 1908 г, и Шарлотта, на 2 года его младше – познакомились во время проживания в небольшом городке Ньюфаунленд (Newfoundland) в Пенсильвании, откуда они перебрались в Массачусетс в конце 1920-х гг в поисках лучшей доли. С лучшей долей у них не заладилось и не только по причине «Великой Депрессии», обрушившейся на Америку в начале 1930-х гг, но и в силу других, куда более прозаических причин. Фрэнк ДеСальво крепко пил, а в подпитии творил всевозможные непотребства. Именно алкоголь превратил его, в прошлом крепкого работающего мужчину, хорошего механика-моториста, в домашнего тирана, совершенно аморального и неадекватного человека.

Фрэнк ДеСальво в состоянии алкогольного опьянения вёл себя странно и непредсказуемо. Он мог привести в квартиру проститутку и начать заниматься с ней сексом в присутствии детей. Фрэнк избивал Шарлотту и однажды на глазах детей последовательно сломал все пальцы на её руках. Когда подросший Алберт однажды бросился защищать мать, Фрэнк схватил его за горло, поднял в воздух и потряс, едва не задушив. Свидетельств такого рода сохранилось много, причём, это не рассказы Алберта, которого можно заподозрить в умышленном сгущении красок с целью вызвать к себе сочувствие, а воспоминания его сестёр и братьев. Сохранились записи о подобных инцидентах и в полицейских протоколах. Фрэнк ДеСальво был хорошо знаком полиции Челси, которая с период с 1930 г по 1944 г заводила на него уголовные дела 18 (!) раз, из них 5 – за побои жены и детей. Помимо бытового насилия за Фрэнком водились и грешки иного рода – его периодически ловили на мелкой уголовщине вроде обворовывания пьяных, хищениях по месту работы и т. п. Удивительно, но его ни разу не отправили за решётку на сколько-нибудь долгий срок, все непотребства и выходки Фрэнка заканчивались в худшем случае 2-месячной прогулкой в окружную тюрьму, после которой тот бросал на некоторое время пить и становился похож на человека. Впрочем, через полгода всё возвращалось на круги своя...

В браке родились 6 детей: в 1928 г – Шарлотта Ирен (Charlotte Irene), на следующий год – Джозеф Фрэнк (Joseph Frank), в 1931 г – Алберт Генри (Albert Henry), в 1934 г – Дороти Мэй (Dorothy May), в 1936 – Ричард Эдвард (Richard Edward) и в 1938 г – Фрэнк-младший (Frank DeSalvo Jr). Из написанного выше несложно понять сколь тяжёлым и безрадостным было их детство. Семья распалась в сентябре 1944 г и расставание родителей вряд ли можно считать неожиданным, скорее можно удивляться тому, как долго Шарлотта мирилась с алкоголизмом и полным безрассудством муженька.

Алберт был третьим по старшинству. Он был проблемным ребёнком, что называется, с молодых ногтей. Сложно сказать, что к этому привело – дурная наследственность или педагогическая анархия. По-видимому, дети в семье были предоставлены сами себе и росли подобно бурьяну за баней. В 1939 г старшая сестра Алберта разыграла с его участием сексуальную сцену, которую не раз наблюдала с участием отца. Сестренка изображала проститутку, которой 7-летний Алберт должен заплатить деньги и заняться сексом. За этим развлечением их застал старший брат, Алберт спустя годы со мехом рассказывал об этом всем, желающим его слушать – Нассару, Ли Бэйли, Боттомли, психиатру Эймсу Роби. Понятно, что если брат и сестра младшего школьного возраста играют «в секс», подражая взрослым, то в головах таких детей руины... Уже в возрасте 12 лет – в ноябре 1943 г – Алберт попал в поле зрения полиции. Произошло это после того, как Алберт избил сверстника и отнял у того карманные деньги в сумме 2 доллара 85 центов. Хотя деньги и считались карманными, сумма по тем временам

была заметна, на эти деньги мальчик должен был купить продукты для всей семьи. За свою выходку Алберт получил условный срок и пообещал судье исправиться.

Как это часто бывает с несовершеннолетними преступниками – как, впрочем, и взрослыми тоже! – все клятвы и слёзы оказались позабыты сразу по выходу из зала суда. 27 декабря 1943 г Алберта ДеСальво арестовали вторично, на этот раз за участие в групповой краже со взломом. Теперь сорванец, если так его можно назвать, отправился учиться в специальный класс для трудных подростков в церковной школе. Фактически Алберт оказался в интернате, днём он учился, а по вечерам работал, спать оставался в школьной казарме. В Америке того времени, как и в Советском Союзе, активно практиковалось перевоспитание трудных подростков трудом!

Так продолжалось чуть менее года. Алберт вернулся домой лишь в конце октября 1944 г после ходатайства матери, заявившей органам опеки, что мальчик нужен дома для помощи по хозяйству.

В 1940-х гг Алберт ДеСальво сменил множество профессий, точнее говоря, способов заработка – он работал подмастерьем сапожника, помогал флористу в цветочном магазине, разносил газеты и т. п. Заработок Алберта помогал семье сводить концы с концами.

Надо сказать, что материальное положение Шарлотты ДеСальво и её детей несколько улучшилось после развода, который последовал, как отмечалось выше, в сентябре 1944 г. Шарлотта стала получать федеральное пособие в размере чуть более 31 доллара в неделю, плюс к этому кое-какие деньги приносили подработки старших детей – Джозефа, Айрин и Алберта.

В августе 1945 г Шарлотта ДеСальво вышла замуж за Пола Киносьяна (Paul Kinoshian), владевшего магазином мелочной торговли. Сложно представить, что Киносьян действительно влюбился в немолодую женщину, мать 6-х детей, скорее всего, это был брак по обоюдному расчёту. Пол Киносьян оказался человеком довольно своеобразным, оценки давались диаметрально противоположные. Кто-то характеризовал его как человека щедрого и доброго, хотя и совершенно необразованного, кто-то припоминал присущие ему приступы ярости. Чтобы понять, о каких приступах идёт речь, можно привести пример нападения Пола Киносьяна на Ричарда ДеСальво, одного из младших братьев Алберта. В 1951 Пол избил 16-летнего Ричарда и выбросил через входную дверь на улицу, тот при падении с крыльца сильно разбил голову. После лечения в больнице Ричард ушёл из семьи и носа не показывал в лавке Киносьяна. Однажды он зашёл туда в поисках матери, и Пол, увидев его, схватил молоток и бросился в атаку. Ричарду пришлось убежать, чтобы не доводить дело до кровавого финала.

Алберт ДеСальво также имел разного рода неприятности с отчимом, хотя и не настолько печальные, как в случае Ричарда. Несмотря на это, семья ДеСальво жила в 1944, в 1945 и в 1946 гг куда лучше и спокойнее, нежели ранее. Алберт в это время ходил в среднюю школу и учился очень хорошо, успевая при этом заниматься разнообразными подработками. Казалось, что противозаконные глупости остались в прошлом и поведение юноши полностью выправилось. Алберт испытывал трепетно-нежные чувства к матери, очень её жалел, стремился всячески ей помочь. Не было ни одной просьбы матери, на которую он не отозвался бы. Вообще же, все сестры и братья Алберта, вспоминая то время, отмечали, что тот производил впечатление очень аккуратного, вежливого и смышленного юноши. Он рос очень спортивным, любил всевозможные подвижные игры, вообще казался очень развитым молодым человеком. Вместе с тем, уже тогда в поведении Алберта отмечалась довольно странная черта, обращавшая на себя внимание родственников. Алберт очень боялся темноты, что, согласитесь, выглядит довольно иррационально для 15-летнего подростка, причём, боялся он не бандитов, не внезапного нападения, не чего-то конкретного... Алберт никогда не ходил по тёмным проулкам, в тёмное время суток обходил кварталы по освещённым улицам и его невозможно было убедить срезать часть пути, пройдя между тёмными зданиями.

По-видимому, страх темноты был обусловлен повышенной тревожностью Алберта, которую он в целом удачно скрывал от окружающих. Вместе с тем, характеризуя его психологическое состояние в то время, следует отметить, что нам ничего неизвестно о том, чтобы он страдал в этом возрасте от энуреза (ночного недержания мочи). Также за Албертом не замечали жестокости в отношении животных или тяги к бродяжничеству (дроромании), во всяком случае, нам неизвестны воспоминания такого рода лиц, знавших Алберта в детстве и юности. В подростковом возрасте упомянутые отклонения в различных сочетаниях демонстрирует абсолютное большинство будущих серийных убийц. Хотя объективности ради следует признать, что Алберт ДеСальво рассказывал адвокату Ли Бейли о том, что, увлечшись в подростковом возрасте стрельбой из лука, ходил в парк охотиться на кошек. Убивал ли он животных или попросту пугал – непонятно, да и особого доверия подобные рассказы не вызывают, поскольку многое из того, что ДеСальво выдавал за чистую правду при проверке подтверждения не находило.

Казалось, что к 15 годам характер и темперамент Алберта выровнялись и пришли в норму, однако, благополучие оказалось кажущимся. В августе 1946 г ДеСальво вместе с другом взяли «покататься» чужую автомашину. «Покатушки» удались на славу, юноши через 4 часа вернули машину на место, но хозяин за это время успел вызвать полицию и подал официальное заявление, поэтому невинная, как казалось юношам, проделка стала преступлением. Поскольку Алберт уже имел опыт правонарушений, то для него «покатушки» закончились водворением в тот самый интернат, стены коего он покинул в октябре 1944 г. Что произошло далее не совсем понятно, видимо, в интернате Алберт попал в какую-то передрагу, поскольку буквально через пару недель после водворения в учебное заведение он вместе с двумя товарищами совершил побег.

Инцидент произошёл 9 сентября, Алберта и его дружков ловили с привлечением полиции, как настоящих уголовников! Понятно, что без карманных денег, сменной одежды и связей, неизвестных правоохранительным органам, шансы беглецов скрыться от погони были минимальны. Они и не скрылись! Всех троих вернули в интернат менее чем за 48 часов со времени побега.

Может показаться удивительным, но ребят не очень-то и наказали. Снисходительная реакция администрации интерната объяснялась, по-видимому, тем, что побег явился вынужденной реакцией на некий конфликт. Администрация была не заинтересована раздувать эту историю и Алберт отделался чисто символическим замечанием. Он был на хорошем счету у руководства и уже в январе 1947 г его досрочно освободили, как примерного ученика, продемонстрировавшего искреннее раскаяние.

Одна из самых ранних фотографий Алберта ДеСальво, ему 15 или 16 лет. Впереди у него долгая и, как ему тогда казалось, интересная жизнь...

В 1947 г и первой половине 1948 г Алберт продолжал учиться в средней школе, подрабатывая с целью помочь семье. Закончив с хорошими оценками 9 классов, он летом 1948 г подал заявление о вступлении в армию. Заявление было отклонено, т.к. вплоть до сентября 1948 г он считался осужденным на условно-досрочном освобождении, а такие лица призыву в мирное время не подлежали. Однако в начале сентября судимость была снята и Алберт ДеСальво подал второе заявление о зачислении в ряды вооруженных сил. Оно было удовлетворено и 16 сентября молодой человек был призван на действительную военную службу.

Начальную военную подготовку Алберт прошёл в Форт-Бэнкс в Массачусетсе, где успешно закончил школу младших технических специалистов и в числе лучших выпускников получил право отправиться для дальнейшего прохождения службы в ФРГ. Это было не только престижно, но и выигранно в материальном отношении, так что неудивительно, что ДеСальво этим правом воспользовался. Перед отправкой в Западную Германию Алберт прошёл всестороннюю проверку по линии ФБР, тогда на него было заведено первое досье под номером #814639В (личное дело, которое можно считать аналогом отечественного т.н. «дела-формуляра»). Всего же в ведомстве Гувера на ДеСальво было заведено 3 досье, номера двух из них засекречены до сих пор. Сейчас некоторые документы ФБР, связанные с Албертом, обнародованы, учитывая, что в армии ДеСальво немало покурлесил, было бы интересно прочесть их без купюр.

В Германии ДеСальво служил в рядах 14 бронекавалерийской дивизии на различных американских базах (в Марбурге, Фритцларе, Бамберге, Франкфурте, Бремерхафене и др.). Обязанности по службе выполнял самые разные – был стрелком десантной группы, механиком-водителем, техником танковой ремонтной базы, специалистом инструментальной разведки и пр.

По службе Алберт характеризовался положительно, начальство его оценивало как грамотного и дисциплинированного специалиста, в Германии ему было присвоено звание сержанта. В американской армии сержант отнюдь не эквивалентен сержанту в советской, его аналогом скорее являлось звание прапорщика или мичмана во флоте. Вместе с тем, известно, что сослуживцы отзывались о ДеСальво как о «сложном человеке», способном создать конфликт

на ровном месте. Впрочем, свой первый армейский срок ДеСальво оттарабанил без сучка, без задоринки. По его окончании он получил благодарность министра обороны за беспорочную службу и тут же заключил 5-летний контракт, фактически ни на один день не прервав воинский стаж.

Однако уже через месяц, в июле 1951 г, Алберт попал в неприятную ситуацию, связанную с грубым нарушением воинской дисциплины – он ушёл в «самоволку», демонстративно нарушив приказ старшего командира. Последний не стал закрывать глаза на поведение ДеСальво и подал формальную жалобу в дисциплинарный суд. Дело вышло серьёзное, Алберту грозило разжалование и разного рода сопутствующие неприятности, вроде перевода из ФРГ в Корею, где шла крупномасштабная война. Однако ситуацию спасли отличные характеристики и умение Алберта производить на окружающих нужное впечатление – во время судебного заседания он рассказал о предвзятом к себе отношении со стороны командира и отделался символическим выговором.

Сейчас сложно сказать кто в той ситуации был прав, а кто виноват, но история с самоволкой явилась своего рода звоночком, предвещавшим проблемы в будущем.

В начале 1954 г ДеСальво стал фигурантом отвратительного дела, связанного с его сексуальными отношениями с 9-летней девочкой, которая выполняла некоторые его сексуальные прихоти за деньги. Мать ребёнка, узнав об этом, подала заявление в полицию, проведенное расследование показало, что преступление имело место и повторялось неоднократно. Факт педофилии был налицо и вот тут очень интересно повели себя американские власти. Военная полиция фактически спрятала ДеСальво, тайно перевезя сначала на другую базу, а затем отправив в США. Бесславное возвращение на родину произошло в апреле 1954 г.

Военная полиция явно рассчитывала «замылить» это дело и не предпринимала никаких действий. Немецкие правоохранители через внешнеполитическое ведомство обратились к американским коллегам с просьбой дать правовую оценку действиям своего военнослужащего. Следует помнить, что американские военные в Западной Европе находились вне юрисдикции местных правоохранительных органов, расследования в их отношении могла проводить только американская военная полиция.

Несмотря на всевозможные проволочки Пентагону пришлось разбираться с этой педофильской историей. В январе 1955 г ДеСальво был взят под стражу на время проведения следствия. Обеляя себя, он заявил, что история его интимных отношений с девочкой выдумана её матерью от начала до конца; женщина, дескать, рассчитывала шантажировать его угрозой компрометации, но он не поддался и в итоге она написала ложный донос. Объяснения эти вполне устроили американских военных полицейских, которые ответили немецким коллегам, что провели расследование и факт преступления не нашёл подтверждения. И на том со спокойной совестью дело закрыли.

ДеСальво вышел из гауптвахты с гордо поднятой головой.

Во время всех этих событий Алберт уже был женат – он бракосочетался 5 декабря 1953 г, женившись на Ирмагд Бек, немке, с которой поддерживал интимные отношения более 4-х лет (они познакомились в октябре 1949 г). Фактически ДеСальво поддерживал интимные отношения одновременно как с Ирмагд, так и с развращенной им 9-летней девочкой (или матерью последней, если принять на веру его объяснения, данные военной полицией) ... Алберт мог что угодно вещать на допросах, доказывая свою невиновность, но Ирмагд должна была понимать, что её муж действительно педофил – без всяких оговорок! – ведь и с ней самой он стал заниматься сексом в то время, когда она ещё не достигла «возраста согласия» (на момент начала интимных отношений ей не исполнилось и 17 лет)! Несмотря на серьёзные обвинения в адрес мужа, Ирмагд не развелась с Албертом. Интересно, пожалела ли она впоследствии о своей преданности?

Алберт ДеСальво танцует с женой Ирмгард на Рождественской вечеринке 1952 г.

В этом месте, пожалуй, следует сказать несколько слов об интимной сфере ДеСальво, поскольку данный аспект жизни и поведения имеет прямое отношение к нашему дальнейшему повествованию. Половую жизнь Алберт начал в 15 лет – т.е. в 1946 году – с замужней женщиной в два раза его старше. ДеСальво гордился своей потенцией и для этого имелись все основания – он мог осуществлять без перерыва или с минимальным перерывом до 5 эякуляций, что, согласитесь, свидетельствует о незаурядной сексуальной силе. Это не пустая болтовня или мужская бравада, нам известны показания его жены, рассказавшей Боттомли о том, что Алберт «изводил» её своими сексуальными «хотелками». Когда у четы родился первый ребёнок, оказавшийся инвалидом, врачи сообщили Ирмгард, будто причина неправильного развития плода заключается в его травмировании во время вынашивания. Ирмгард винила в произошедшем Алберта, поскольку ей приходилось заниматься с ним сексом на поздних сроках беременности, уступая его настоятельным требованиям. После рождения дочери между супругами наступило охлаждение, обусловленное опасением Ирмгард родить ещё одного ребёнка-инвалида.

После того, как ДеСальво сделал признательные показания об убийствах женщин посредством удушения, его жена была допрошена членами Бюро «Душитель». В ходе допроса Ирмгард были заданы многочисленные вопросы о деталях её отношений с мужем и, в частности, относительно того, любил ли Алберт во время сексуальной игры хватать партнёра за горло, сдавливать шею шарфом или нечто подобное? Ирмгард ответила на это категорическим «нет», заявив, что не позволила бы в отношении себя такого рода эксперименты. То же самое на аналогичный вопрос Боттомли ответил и Алберт, подтвердив, что никогда во время занятий сексом с женою не пытался её душить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.